

Я. ТАЙЦ

НАХОДКА

A colorful illustration of a young girl with reddish hair, wearing a light-colored dress and red shoes, running happily through a forest. She is running on a path that appears to be a fallen log or a dirt trail. The forest is lush with green trees, including birches and evergreens. The sky is a pale blue with a soft white cloud. The overall style is that of a classic children's book illustration.

ДЕТГИЗ - 1949

Я. ТАЙЦ

НАХОДКА

ПОВЕСТЬ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1949 Ленинград

Рисунки В. Матюх

42967

1957-68 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Глава первая

ДЛИННОЕ СЛОВО

Я вам расскажу про Танию Зотову, но начать надо, пожалуй, с её брата, с Лёши. Всё-таки он старше. Тания — она ещё маленькая, она только недавно перешла во второй класс. Можно даже считать, что она ещё первоклассница — ведь во втором классе она будет учиться только осенью.

А Лёша уже перешёл, как-никак, в шестой. Учителя считают, что пятые и шестые классы — самые шумные, самые трудные. Не знаю! Во всяком случае, Лёша Зотов не был ни шумным, ни трудным.

Сейчас его нет дома. Сейчас он отправился в своё самое любимое место — в библиотеку. Он туда ходит каждый день, а то и два раза в день. Мама сколько раз ему говорила:

— Лёша, ну что ты глотаешь книги, как страус всё равно! Бедь писатель каждое словечко обдумывал, каждую страничку. А ты—хватать, ам!—и проглотил.

Лёша улыбается:

— Ладно, мама, я не буду как страус.

А сам всё «глотаёт».

Вот он подошёл к библиотеке. Она помещается в небольшом двухэтажном доме. Ребята, живущие на Красной Пресне, наверно знают его. Там каменный забор, ворота... Под окном растут липы. Сейчас они цветут и сладко пахнут. Лёша стоял на крыльце, подышал липовым запахом и толкнул дверь.

В библиотеке было много ребят. Одни сидели за длинным низким столом и шопотом читали:

В доме во-семь дробь о-дин

У Заста-вы Иль-и-ча...

Другие стояли в очереди вдоль жёлтого лакированного прилавка, просматривали друг у друга книжки, переговаривались:

— Это интересная—про войну!

— А это плохая книжка: тоненькая!

Лёша спросил:

— Кто последний?

Конечно, он мог бы и без очереди подойти, потому что книги выдаёт его мама. Вот она стоит там, у маленького столика, высокая, немного седая, на жакетке планочка от медали «За оборону Москвы».

Но Лёше неохота подходить без очереди. Ребята сразу поднимут шум: «Почему без очереди, почему без очереди!» А станешь им объяснять, что это мама, они, пожалуй, ещё хуже начнут: «Ага, по знакомству!»

Нет, уж лучше постоять немно́го.

Лёша стоит в очереди, оглядывает белые стёны. На них всякие плакаты, картины, портре́ты де́тских писа́телей. Лёша их знаёт всех в лицо. Вот са́мый его́ любимы́й писа́тель — А. Гайдáр. У него́, оказыва́ется, на са́мом де́ле есть сын Тиму́р. Лёша чита́л его́ воспомина́ния в «Пионе́рской пра́вде». Интере́сно, была́ у э́того настоя́щего Тиму́ра кома́нда, как в кни́жке?

Когда подошла́ Лёшина о́чередь, ма́ма бы́стро нашла́ в дли́нном, узком я́щике Лёшину ка́рточку и ти́хим го́лосом спросила́:

— Что до́ма слы́шно, сыно́к?

— Все́ в по́рядке, ма́ма.

— Тани́оша что де́лает?

— На дворе́ в пры́галки игра́ет.

— Так, — гро́мко сказа́ла ма́ма. — Ну, что тебе́ дать, Зо́тов? Ты, по-мо́ему, всю библиоте́ку прочита́л!

— Нет, ма́ма... По́мнишь, я тебе́ говори́л про наш отря́д, про Алексе́я Кузьми́ча? Вот бы мне что́-нибудь по э́той ча́сти. Мо́жно, я посмотре́ю на по́лках, а? Мо́жно?

Лёшу хле́бом не корми́, то́лько дай ему́ поры́ться в кни́гах. Пра́вда, ма́ма не о́чень-то позволя́ет ему́ подходи́ть к по́лкам — он там тако́й по́рядок наведёт, что пото́м ни одной́ кни́ги на ме́сте не найдёшь. Все́-таки она́ сказа́ла:

— Ла́дно, ищи́ вон там, — и показа́ла на ни́жнюю по́лку. — То́лько поаккура́тней, пожа́луйста.

Лёша прошёл к по́лкам, а ма́ма заня́лась други́ми чита́телями. Потом она́ подошла́ к Лёше:

— Ну вот, нагороди́л уже́!..

— Сейча́с, ма́ма, сейча́с все́ бу́дет, как бы́ло. Зна́ешь, мы да́же настоя́щие раско́пки бу́дем де́лать. Курга́ны вся́кие, городи́ща...

— А где же вы курга́ны э́ти возьме́те? Я слы́ха́ла, их на ю́ге мно́го, в степи́.

— Он и здесь есть, под Москвой. Нам Алексѣй Кузьмич рассказывал. Он в Академии наук работает — не шутка!

Лёша присѣл на корточки и начал рыться в книгах.

Вскоре он вышел из библиотеки с толстым томом в руках. Книга, видно, попалась очень интересная, потому что Лёша сразу же, на ходу, принялся читать. Ноги сами по себе шагают по тротуару, а глаза смотрят в книгу. И вдруг — стоп! Лёша налетел на гражданина, который тоже на ходу читал, только не книгу, а газету «Вечерняя Москва». Гражданин сказал: «Извините», а потом увидел, что перед ним мальчик, и обиделся:

— Смотреть надо, а не читать на ходу!

Конечно, гражданин был прав, потому что на углу Лёша задѣл лоток мороженщицы. У заставы он едва не угодил под грузовик.

Наконец после всех приключений он добрался до своего дома. Это на Красной Пресне, в новых домах.

Лифт с легким гуденьем повѣз Лёшу на пятый этаж. Дверь ему открыла Таня — та самая, о которой я и хочу вам рассказать. Она очень похожа на Лёшу. У неё тоже чуточку выпяченные губы, тёмные глаза и русые волосы. Только у Лёши они острижены под ноль, а у Тани заплетены в две косички с лентами. Ленты, кстати сказать, Таня вечно теряет. То и дело слышно: «Мама, ты не видела мою ленточку?», «Лёша, тебе не попадалась моя ленточка?»

Таня посмотрела на толстую книгу, которую Лёша притащил, и стала разбирать длинное непонятное слово на переплѣте:

— Ар... Ар... Арехология... Лёша, это про что это — арехология?

Лёша засмеялся:

— Это наука такая...

— О чём нау́ка?

— Об оре́хах.

— А ра́зве есть така́я?

Лёша похло́пал Та́ню по плечу́:

— Эх ты, профе́ссор! Ну где ты вы́читала «арехоло́гию»!
Не ви́дишь, напи́сано: «Археоло́гия».

Та́ня посмотре́ла:

— Не всё ли равно́? А заче́м она́, Лёша?

— Это вам, первокла́шкам, ещё ра́но!

— А я уже́ во второ́й перешла́!

— Ох, извините, оши́бся! — сказа́л Лёша и прошёл к пи́сьменному столу́.

Ра́ньше, до война́, это́ был па́пин стол. А сейча́с одна́ полови́на Та́нина, а друго́я — Лёшина. На Та́ниной полови́не — чистота́ и поря́док. А на Лёшиной — чего́ то́лько нет! И ржа́вые желе́зки, и чере́пки, и старинные моне́ты, на кото́рые ниче́го не ку́пишь, и чьи́-то о́громные зу́бы — не то во́лчьи, не то лошади́ные...

Лёша сел за стол и сно́ва взя́лся за кни́гу. Но Та́ня ста́ла дёргать его́ за плечо́:

— Лёша, дава́й игра́ть в лото́, а? Чур, я бу́ду крича́ть!

— Некогда́, Та́ня.

— Тогда́ в подда́вки. Чур, я бе́лыми!

— Та́ня, я ведь сказа́л — некогда́.

— Ну ла́дно, ну тогда́ в домино́.

— Та́ня, тебе́, ка́жется, я́сно говоря́т... — нача́л бы́ло Лёша, но тут на столе́ затре́звонил телефо́н.

Лёша взял тру́бку:

— Алексе́й Зо́тов слу́шает. А, Стась, здоро́во! Достáл. Клад, а не кни́га... Всё есть, всё... Как измеря́ть, как копа́ть, как зе́млю отки́дывать. Ага́... Тепе́рь мо́жем сме́ло е́хать. Ага́... Приходи́... Пока́!

И Лёша положил трубку. А Тânia сразу наострила уши:
— Что копать, Лёша?
— Ничего!
— Нет, я знаю: вы поедете клад копать, да?
— Пускай клад, — сказал Лёша, — только отдай книгу. Не успел отвернуться, а она уже схватила!
— На, возьми, только скажи, какой клад. Лёшенька, скажи! Я ещё ни одного кладика никогда не выкопала.
— Да никакой не клад. Что ты, Танька! Я просто пошутил.
— Нет, я знаю, ты не пошутил. Ты нарочно говоришь, я знаю. Вот придёт мама, я ей всё расскажу про вашу эту... как её... археологию.
Но Лёша уже не слышал Тании. Толстая книга подхватила его и унесла далеко-далеко, в седую русскую старину...

Глава вторая

ПРО ПАПУ

Мама, как нарочно, в этот вечер долго не приходила. Тания стояла у окна и смотрела на улицу — идёт мама или не идёт. Но мама не шла.

Сверху, с пятого этажа, Тание видны трубы, крыши, дома, трубы, крыши... Некоторые трубы очень высокие — это фабричные. За одной из них садится солнце и всё небо покрыто розовыми облаками. Дым из фабричных труб завивается в пухлые розовые кольца, и кажется, будто все облака получаются из этого фабричного дыма.

Но вот на небе всё погасло, зато на земле сразу зажглись тысячи огней и повисли вдоль улиц, словно ёлочные бусы.

А на углу засветились большие часы. Обе стрелки слились в одну толстую стрелу на цифре «девять».

Таня обернулась к Лёше. Он уже не читал, а думал о чём-то, подперев кулаками голову.

— Лёша! Ну Лёша же!

— Что?

— Почему мамы так долго нет?

— Задержалась...

Таня подошла к Лёше:

— Ладно, Лёша, не хочешь про клад — тогда про папу расскажи.

— Я ведь тебе уже сто раз рассказывал.

— А я про папу тыщу раз могу слушать.

Лёша знал — от Тани отделаться нелегко. Да и сам он любил рассказывать про папу. Когда рассказываешь, всё вспоминается, и кажется, что папа опять здесь, рядом.

— Ну, ладно.

Он сел на подоконник, обхватил руками колени и стал смотреть на огоньки за окном. Их было очень много, они разбежались далеко, словно звёзды на небе, и так же, как звёзды, мигали и переливались в синей темноте весеннего вечера.

Таня села рядом с Лёшей и прижалась боком к его твёрдым колёнкам.

— Ты читала в «Пионерке» воспоминания Тимёра Гайдара?

— Нет, не читала. Там очень маленькие бûковки. Мы такие не проходили.

— Эх вы, «бûковки!» — усмехнулся Лёша. — А знаешь, Таня, я бы тоже хотел написать воспоминания...

— Про кого?

— Ясно — про кого: про папу.

Таня сказала:

— Я бы тоже...

— Что тоже?

— Воспоминания про папу.

Лёша легонько дёрнул Танию за косичку:

— Чудная ты, Танька! Какие могут быть воспоминания, раз ты его не помнишь!

— А может, я вспомню. Вот буду о нём думать, думать и вспомню.

Лёша ничего не ответил.

В комнате становилось всё темней, но света зажигать ни Лёше, ни Тание не хотелось.

— Не знаю, про что рассказывать, — начал Лёша, — про

Кўнцево, что ли? Но раз ты не помнишь... А я помню, как мы поехали туда, к бабушке, и ночевали там, а папа тебя варёным кормил с ложечки, а ты вся измазалась, пчёлы так и липли к тебе, а ты — ничего, только отмахиваешься и кричишь: «Исё, исё». А потом мы все пошли на Москву-реку купаться, и тебе там щёки отмывали, а ты болтаешь ногами, орёшь во-всю, а папа стоит на берегу и приговаривает: «Так её, так, исё, исё!»

Таня засмеялась:

— Он был смешной, да?

— Ох, он любил смешить! Шутил всё. А потом мы пошли домой и узнали, что война. А раньше мы ничего не знали.

— Ну, и что? И дальше?

— Ничего. Началась война, и всё.

Лёша замолчал. Как рассказать Таньке про те первые дни, про то, как Москва сразу вся потемнела, словно насупилась, про то, как проходили по улицам колонны бойцов с грозной песней:

Идёт война народная,
Священная война.

Лёше вспомнилось, как однажды он побежал за такой колонной и один из бойцов сказал: «Пойдёшь с нами, сынок?» «Пойду», ответил Лёша и долго шагал в ногу с колонной и подпевал:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
Сразиться с силой тёмною —
С фашистской ордой.

Потом боец сказал: «Ступай домой, сынок, ступай, а то заблудишься». Бойцы ушли, а Лёша прибежал домой и сказал: «Папа, пойдём на войну». И запел «Вставай, страна огромная»

А папа сказа́л: «Нет, Лёша, снача́ла я пойдú, а потóм уж сообразím насчёт тебя́». Но папа до́лго ещё остава́лся до́ма, потому́ что заво́д не отпуска́л. Ведь он рабо́тал на воённом заво́де. Потóм он да́же домо́й не приходи́л, а всё вре́мя был на заво́де и ночева́л там. Э́то называ́лось — на каза́рменном положéнии.

Но как обо всём э́том расска́зать Та́ньке!

— Ну, что ж ты? — сказа́ла Та́ня.

— Пусти́-ка, Та́нька, нога́ затекла́! — Лёша сел поудóбней. — Вот... значит, нача́лась война́. Нача́лись дежу́рства... Затемне́ние... Дети́й ста́ли эвакуи́ровать...

— А э́то что? — спроси́ла Та́ня.

— Э́то значит — увози́ть подальше́ от Москвы́. Потому́ что нача́лись налёты. Ка́ждую ночь. Пря́мо спать не дава́ли. Но ма́ма сказа́ла, что она́ из Москвы́ не уе́дет. И я то́же сказа́л: «Не уе́дем!»

— И я бы то́же так! — сказа́ла Та́ня.

— Пра́вильно! А нёмцы всё бли́же к Москве́. И вот раз па́па прише́л с заво́да и говори́т: «Прише́л прости́ться, идú». Мы сра́зу по́няли, куда́, и ста́ли его́ собира́ть. А ве́чером пошлú провожа́ть на сбóрный пункт — там, за пло́щадью Маяко́вского.

— И я пошла́? — спроси́ла Та́ня.

— Ага́! Па́па: тебя́ ещё на рука́х нёс. Идём, а кругóм — те́мень! Идёт маши́на, а её не ви́дно, то́лько ма́ленькие синие фонари́ мелька́ют. Идёт трамва́й, а его́ не ви́дно... Так и крича́ли: «Хондуктор, како́й но́мер?» Добра́лись мы до пло́щади Маяко́вского, па́па стал проща́ться с на́ми и говори́т: «Жди́те, я вам письмо́ напишу́, тепе́рь фронт бли́зко, письмо́ живо́ дойдёт. И полеву́ю по́чту вам напишу́ — и всё».

— Какую́ полеву́ю по́чту? — спроси́ла Та́ня.

— Э́то тогда́ так писа́ли, а́дрес тако́й: но́мер, и всё.

— А где же письмо? — сказала Тánя. — Ведь письмо не было.

— Не было, — отозвался Лёша, — но мы тогда думали — будет. А потом папа сказал: «Лёша, ты теперь один мужчина в семье, имей в виду». И всё так же. И чтобы я маме помогал...

— И меня не обижал, — подхватила Тánя.

— Про это он ничего не говорил. А я тебя и так не обижаю.

— А я ничего не говорю, — сказала Тánя. — Дальше...

— Дальше всё. Папа остался, а мы пошли домой. И вдруг — вуууу! «Граждане, воздушная тревога». А мы тут недалеко от Маяковского метро — и, значит, туда. А там тепло, светло. Как сейчас. Только на платформах, вот где люди ходят, везде лежак — пожалуйста, ложись, спи. На них всякие старушки, мамы с детьми. Ну, и мы пристроились. Я ведь ещё тогда маленький был. Сколько? Семь лет. Ещё в школу не ходил...

— Ого, даже поменьше меня был! — удивилась Тánя.

— Да... Ну вот. Сели мы. А ты всё тарачишь глаза на лампы, а потом заснула. А я говорю: «Мама, поспи, а я посижу с Танькой», и незаметно сам заснул. Потом, чувствую, мама будит: «Пора, Лёша, вставай». А мне спать ещё ой как охота! Открыл глаза и сначала даже не понял, где я. Мне уж там снилось что-то хорошее, будто войны нет. Мама говорит: «Пошли, детки, отбой». Поднимаемся на эскалаторе, а сами думаем: «Как там, наверху, Москва?» И вот вышли на Садовую... Светает, аэролаты спускаются...

— А, это я знаю, это вроде рыбы такие большущие.

— Ага... Смотрим — а Москва вся целехонькая! И только стекло хрустит под ногами. Это от волн...

— От какой волн, Лёша?

— От взрывной... от воздушной. В общем, от фугаски, понимаешь?

— От какой фугаски?

— Ну, от бомбы. Ладно, потом... Идем. Дошли до нашего переулка, и вдруг мама меня как дернет за руку, как закричит: «Батюшки, Лешенька, да что ж это!» Я смотрю, Танька, вижу — нашего дома, вот где мы жили, нету. То-есть он есть, только это уже не дом, а просто развалины. Крыша пробита, стена обвалилась, и всё вот так вот исковеркано.

Таня крепче прижалась к Лёшиным колёнкам и повела плечом:

— Как страшно!

— Ещё бы не страшно! Если б не папа, если бы мы его провозжать не пошли, нам бы всем тогда конец был...

Таня посмотрела на Лёшу:

— Какой конец?

— Обыкновенный конец, и всё. Выходит, папа нас всех спас тогда. Ты заплакала. Даром что такой клоп была, а поняла, что дом разбомбили. Даже я и то заревёл. А мама говорит: «Деточки, не плачьте, это ещё счастье, что никого дома не было». А у самой слёзы.

— А я никогда не видела, как мама плачет, — сказала Таня.

— И я, — сказал Лёша. — Только когда извещение получили.

Лёша снова замолчал. В комнате стало совсем темно и тихо. Только снизу, со двора, с улицы, доносились весёлые голоса неугомонных ребят, звонки трамваев, гудки машин — весь обычный гул огромной Москвы.

Зимой его меньше слышно, но летом, когда окна открыты, этот шум не прекращается ни на минуту. И даже если глубокой ночью встанешь и прислушаешься, обязательно услышишь невнятный, но ровный, бодрый гул — гул Москвы.

— А потом что? — сказала Таня.

— Потом ничего. Походили мы около развалин, вытащили,

что смоглы: па́пин стол, дива́нчик э́тот, игру́шки-погрему́шки твоя́. Потóм пошлѝ в райсовет, ночевáли у каких-то сосе́дей, а потóм нам э́ту кварта́ру да́ли, в но́вом до́ме...

Та́ня сказа́ла:

— А я зна́ю... А я зна́ю, поче́му от па́пы письма́ не́ было.

— Почему́?

— Зна́ю: потóму что он по ста́рому а́дресу писа́л, а мы уже́ в но́вом до́ме жи́ли...

Лѣша махну́л руко́й:

— Чудѝла ты! Бѣдто ма́ма не ходѝла на по́чту, бѣдто не спрашивала!

— А мо́жет, оно́ гдѣ-нибудь затеря́лось.

— Не зна́ю, Та́нька. А мо́жет, па́па прóсто не успе́л его́ написа́ть. Ведь на войне́ зна́ешь как: командѝр даст при́каз — бей врага́, и ни ша́гу наза́д!

Лѣша до́лго рассказывал. Та́ня слѣшала его́ и все́ старáлась вспо́мнить па́пу. И порóй ей каза́лось, что вот ещё́ немно́жко, ещё́ чу́точку, и она́ его́ все́-таки вспо́мнит...

Глава третья

СЕМѢЙНЫЙ СОВЕТ

Наконе́ц пришлá ма́ма. Она́ вошлá в ко́мнату, уви́дела, что темно́, ста́ла на́шаривать на стене́ выключа́тель и сказа́ла:

— А́у, птенцы́! Где вы тут?

В ко́мнате срáзу ста́ло о́чень светлó. Лѣша и Та́ня щѣри́ли глаза́ и смотре́ли на ма́му. Та́ня подбежа́ла к ней:

— Почему́ так по́здно?

— На́до бы́ло, до́чка. А вы что же э́то, о́пять на подо́кonnéке сидѝли!

— Мама, мы ведь уже не маленькие.

— Знаю я таких маленьких! И почему в потёмках, как совы?

— Просто так, — сказал Лёша. — Вспоминали всякое...

Мама поставила в угол сумку, сняла жакетку.

— Вы что ж это, не ужинали ещё? Ах вы, такие-сякие, живо за стол, я сейчас...

Она пошла к себе в комнату переодеваться. А Лёша с Таней стали подавать на стол: три тарелки, три чашки, три ложки — всё по три.

Потом сели ужинать. Хорошо, когда мама дома, сидеть за столом, покрытым белой скатертью, под яркой лампой! Лёша пил чай из стакана с подстаканником, а мама с Таней — из чашек. Ужинали молча, потому что папа не любил, когда за едой болтают. Говорили только самое необходимое: «Лёша, отрежь Тане хлеба», «Таня, подай чашку», «Мама, подлей горяченького»...

После ужина Лёша с Таней вымыли посуду, смахнули крошки со скатерти, подмели, причём Таня держала совок, а Лёша замётал на него мусор.

Когда всё было кончено, мама сказала:

— Так, молодцы! А теперь давайте устроим семейный совет. Таня очень любила семейные советы. Она закрывала:

— Ой, скорей, давайте!

И вот все троём уселись на старый плюшевый диван: мама, конечно, посередке, а Лёша с Таней — по бокам. Мама накинула на плечи белый шерстяной платок с длинными кистями, а Таня прижалась к маме и прикрылась уголком этого платка.

— Значит, так. Была я сегодня в райсовете. Секретарь говорит: «Лидия Мироновна, вот вам путёвка в сердечный санаторий «Зелёный шум», здесь, под Москвой. Вам как жене по-

гибшего фронтовика бесплатно. Ехать через два дня. Посмотрела я на эту путёвку и говорю: «Спасибо, товарищи, но как же я своих птенцов-то оставлю?» А секретарь говорит: «Ничего, они у вас уже большие, две недели пробудут и без мамы, ничего им не сделается». Вот, «большие», давайте совет держать: управитесь вы тут без мамы или нет?... Тания, да не рви ты на мне платок, пожалуйста!

Пока мама говорила, Тания всё заплетала косички из кистей на платке. Наверное, косичек двадцать заплела.

Она отпустила платок и в упор посмотрела на маму. Как же так? Как же это мама уедет на целых две недели! Как же без неё быть? А кого они с Лёшей по утрам будут провожать в библиотеку, кого встречать по вечерам? Нет, нет, две недели—это слишком долго, это всё равно, что целый год! Она вскоčila: — Я...

И вдруг прикрыла рот рукой. Она подумала: «А почему это

я первая должна говорить? Пускай вперёд Лёшка скажет. Ишь, хитрый какой — сидит и молчит. Ведь он старше. Если он скажет, чтобы мама осталась, она его скорей послушает. Всё-таки он мужчина — и чай пьёт с подстаканником, и всё такое».

Она сказала:

— А почему я первая? Пускай вперёд Лёша скажет. И всё!

И она снова села подле мамы и давай расплетать шерстяные косички, которые она только что старательно заплетала.

Мама повернулась к Лёше:

— Что ж, твоё слово, сын!

Лёша поднялся и стал ходить взад и вперёд по комнате широким, размашистым шагом, как папа. Потом он остановился перед мамой и сказал:

— По-моему, вопрос ясен. Тебе надо ехать, факт! А мы тут управимся. Если что сварить, я сумею. Помнишь, какой я тогда зимой суп сварил?

Мама улыбнулась, а Таня сморщилась:

— Такой солёный был, что до сих пор во рту противно!

— А зачем ты солила? — сурово спросил Лёша. — Кто тебя просил!

— А почему ты не сказал, что уже солил?

— Ладно, будет вам, — сказала мама и повернулась к Тане: — Ну-с, дочура, а ты что скажешь?

Таня молчала. Она растерялась и не знала, что сказать. Вот так Лёша! Выступил, называется!

— Танюша, поскорей, — сказала мама, — а то спать пора!

Таня встала и тоже начала ходить по комнате.

— Я сначала думала не так, — сказала Таня, — потому что без мамы нельзя. Как мы это будем без мамы, я себе даже не представляю.

— Ну да, — сказал Лёша, — вас надо ещё с ложечки кормить!

— При чём тут «с ложечки»? Я знаю, мама, тебе надо ехать, и всё. Чтобы ты поправилась. Чтобы у тебя сердце не билось.

Она подбежала к маме, крепко-крепко обняла её:

— Мамочка, миленькая, не уезжай! Нет, уезжай, уезжай!

И приезжай вот такая толстая, вот такая...

— Танюша,пусти! Ты меня раздавишь!

— Пускай раздавлю, пускай! — И Таня всё тормозила маму.

— Танька, перестань! — сказал Лёша.

Таня отпустила маму, обернулась к Лёше и вдруг как толкнёт его на диван. Лёша с размаху плюхнулся на диван так, что старые пружины жалобно загудели. Все засмеялись. Потом мама поправила волосы, натянула на плечи платок и сказала:

— Я думаю вот что. Я думаю, мы ещё попросим кунцевскую бабушку у нас пожить эти две недельки. Всё-таки я буду спокойней.

— Правильно, бабушку! — обрадовалась Таня. Она очень любила бабушку.

— Даёшь бабушку! — крикнул Лёша. — Да здравствует бабушка!

На этом семейный совет и закончился. Решение было принято единогласно: маме в «Зелёный шум» ехать.

Глава четвёртая

ДОРОГАЯ МАМА!

Кунцевская бабушка, папина мама, была старенькая. Один раз Тане вздумалось пересчитать все морщинки на бабушкином лице. Считала-считала, вдруг бабушка улыбнулась, и морщинок сразу стало вдвое больше.

— Бабушка, не надо смеяться, — сказала Тânia, — а то я сбиваюсь.

— И, внученька, — сказала бабушка, — всё равно не сочтёшь. Мне шестьдесят осмой. Кладй по одной на каждый год — не ошибёшься!

Она приехала в четверг, пятнадцатого. В пятницу, шестнадцатого, мама уехала в санаторий. А в субботу, семнадцатого, Тânia уже сидела за своей половиной стола и писала маме письмо. Она обещала писать маме каждый день.

Она выбрала в пенале самую лучшую ручку, самое новенькое перышко и теперь старательно выводила буквы, чтобы маме понравилось её письмо.

Тânia ещё никогда не писала писем. Это дело не простое. Надо, чтобы ни одной кляксинки не было. Надо знать, где поставить точку, где запятую, где восклицательный знак, где вопросительный... Надо знать, как перенести слово, если не помещается.

Тânia сидит и пишет:

«Дорогая мама! (Тут можно восклицательный.) Пишю тебе письмо. (Тут можно точку.) Лёша пошёл за хле- (тут надо перенести, а то не поместится) бом. Бабушка пошла в мага...»

Дзинь! — затрещал звонок в коридоре, словно закончил слово.

Тânia осторожно положила перо и пошла открывать:

— Лёша, ты?

— Не совсем.

— Как это — «не совсем»? А, я знаю — это Стасик, да?

— Он самый!

Тânia отперла дверь. Перед ней стоял Стасик — Лёшин товарищ. Он толстый, у него светлые, почти белые, как на зубной щётке, волосы. И растут они так же — щёткой.

— Здравствуй, Тánя, — сказа́л Стáсик. — Где Лёша?

— В бу́лочной. Сейча́с придёт.

— Так. Я́сно-по́нятно.

Стáсик проше́л в ко́мнату. На нём зелёная гимнасте́рка и широ́кий реме́нь, наве́рно отцо́вский. На бо́ку висит ма́ленький настоя́щий фотоаппара́т.

— Стáсик, зна́ешь, снимй меня́, — сказа́ла Тánя.

— Сейча́с освеще́ние неподходя́щее, — сказа́л Стáсик. — Светоси́ла не та. За́втра! Нет, и за́втра то́же нет: за́втра весь наш отря́д уезжа́ет.

— Куда́?

Стáсик нашёл на Лёшиной полови́не сто́ла старинную моне́ту и стал её разгля́дывать.

— Куда́, говори́шь? По о́собому задáнию, вот куда́.

Но Тánя не поня́ла:

— По ка́кому о́собому задáнию?

Стáсик положи́л моне́ту, по́днял указа́тельный па́лец и с ва́жностью произне́с:

— Ар-хе-оло-ги́-ческие раско́пки!

— Че́го? — переспроси́ла Тánя.

— Я ж тебе́ сказа́л: раско́пки. Ра́зве тебе́ Лёша не говори́л?

— Ниче́го не говори́л. Э́то копа́ть, да?

— Да. И́менно что...

— А... он то́же по́едет?

— Ко́нечно, — сказа́л Стáсик, — ве́дь он у нас гла́вный заводи́ла.

— Никуда́ он не по́едет! — сказа́ла Тánя. — Ниче́го он не по́едет.

Ей сра́зу захоте́лось пла́кать. Э́то бы́ло слы́шно по го́лосу. Но то́лько она́ стесня́лась Стáсика.

— А что вы бу́дете копа́ть? Клад, да?

— И́менно что клад, — засмея́лся Стáсик.

Тут снова раздаётся звонок: дзинь!

Таня опять побежала к двери:

— Кто?

Это был Лёша. Он подал Тане сумку:

— Держи. Тут кило белого и пол...

Но Таня сумки не взяла.

— Я не останусь! Я тоже... я не останусь...

— Погоди, Таня! Что «тоже»? — не понял Лёша.

— Как будто ты не знаешь! Копать клад, вот что «тоже».

Я не останусь, так и знай. Мне Стасик всё рассказывал.

— Как — Стасик? А разве он здесь?

Лёша вошёл в комнату, поздоровался с товарищем:

— Эх, Стась, ну зачем ты ей рассказывал? Теперь она не отвяжется!

Стасик почесал белый затылок:

— Отвяжется!

— Не отвяжусь! — крикнула Таня.

Лёша сунул руки в карманы и прошёлся по комнате:

— Таня, ты не дури, ладно? Тебе там будет страшно, потом ещё приснится. Ведь там только скелеты и никакого клада нет.

— Да, — подхватил Стасик, — там ещё привидения бродят и даже дерутся.

Таня засмеялась и топнула ногой:

— Никаких привидений нету! Это всё сказки. Я знаю, вы хотите от меня удрать. А я всё равно поеду. Поеду, поеду, поеду!

— Таня! — крикнул Лёша. — Умолкни! Ты что думаешь, не справимся с тобой? Ещё как справимся! А кто обещал маме, что будет меня слушаться? А?.. Стась, давай!

Они отошли в сторонку, раскрыли толстую книгу и стали читать и перешёптываться.

А Тánя сéла дописывать своё письмо. Тепéрь б́квы полу-
чáлись кривы́е, перó цара́пало бума́гу, кля́ксы так и садíлись
одна́ за друго́й, но Тánе не до то́го бы́ло. И зна́ков она́ уже́
никаки́х не ста́вила:

«Дорога́я ма́ма Лёша поéдет копа́ть клад а меня́ не берёт
дорога́я ма́ма пуска́й он меня́ возьме́т...»

Вдруг слезá ка́пнула на б́кву «м», и она́ ста́ла врóде «ш».
Потóм ка́пнуло на «и», и оно́ ста́ло похо́же на «а». Но Тánя не
обраща́ла на э́то ника́кого внимáния. Лáдно, пуска́й! Пуска́й
ма́ма ви́дит, до чего́ они́ её довели́.

А Стáсик и Лёша ещё́ шепта́лись в углу́, как заговóрщики.
До Тáni доходíли то́лько отде́льные непоня́тные слова́: «куль-
ту́рный слой... напластовáния... диáметр...»

Наконѣц онѣ кончили шептаться. Стасик сказал:

— Будь здоров, Лёша. Значит, завтра у школы к семь ноль-ноль. А там все на трамвае до метро. А там на автобусе до Шумилова.

Он подошёл к Тане:

— До свиданья, Таня! Не плачь!

Как только за Стасиком захлопнулась дверь, Таня снова стала просить:

— Лёша, миленький, ну возьми меня!

Лёша насупил брови:

— Опять двадцать пять! Чудила ты, Танька! Вдруг гроза, дождь, мало ли что! Простудишься, захвораешь... Там будут одни наши шестиклассники, ну при чём тут ты? Ну скажи: при чём?

— Ни при чём! Не простужусь! Не захвораю!

Она замолчала, села на диван и стала тереть пальцем потёртый плюш. Потом она сказала:

— Я знаю: вот если бы папа тебе велел: «Лёша, возьми Таню!», ты бы сразу взял, да!

Лёша искоса посмотрел на Таню. Она вытирала слёзы черными пальцами, и всё её лицо покрылось лиловыми разводами. Ему вдруг стало её жалко. Он сказал:

— Ладно. Возьму. Только поди умойся, а то ты на зебру похожа!

Таня вскочила с ногами на диван:

— Правда? Возьмёшь?

И прыгнула с дивана прямо на Лёшу. Потом подхватила полотенце и побежала на кухню умываться. А Лёша достал заплечный мешок и начал укладываться.

Он взял завтрак, мыло, полотенце, компас, рулетку — всё, что полагается путешественнику.

Потом он прошёл на кухню, вытащил из угла заступ и стал

его осматривать. Тânia повернула к Лёше намыленное до ушей лицо, приоткрыла один глаз и спросила:

— А мне где лоната?

— Ладно! Будешь копать моей!

И Лёша стал обматывать заступ чистой белой тряпочкой.

Глава пятая

УТРОМ

Раньше всех поднялась бабушка. Бабушки вообще все мало спят.

Она подошла к дивану, на котором, укрывшись с головой, спал Лёша.

— Вставай, Алексей, вставай, не то проспишь всю свою артель.

Бабушка была против того, чтобы Тânia ехала с Лёшей нивесть куда, нивесть зачем, на край света. Поэтому она будила его одного.

Лёша мигом вскочил и как был, в трусиках, подбежал к окну.

Вот хорошо! Погода замечательная! Небо синее-синее! Солнце яркое, новенькое и светит из всех сил прямо Лёше в лицо. Дома, трубы, крыши, деревья—вся Москва освещена сбоку низким солнцем и подёрнута утренней дымкой.

На уличных часах обе стрелки втянулись в одну длинную стрелу. Одним концом она упирается в двенадцать, а другим—в шестёрку.

Лёша для разминки раза два присел на корточки, подвигал руками, ногами, подышал через нос, как только мог глупо, и сказал:

— Спасибо, бабушка, что разбудила. А погодка-то, погодка, как на заказ!

Он стал одеваться, прыгая на одной ноге. Время от времени он оглядывался на Танию. Она крепко спала. Её голая пятка высунулась между прутьями. Кровать была детская, с крючками для сетки. Тания из неё уже выростала. Правая Танина рука с плохо отмытыми чернильными пальцами свешивалась с постели.

— Бабушка, — шопотом спросил Лёша, — а как же нам с Танишкой быть?

Бабушка осторожно подняла голую Танину руку, положила на подушку и прикрыла одеялом:

— Пускай спит, нечего ей с вами, с большими, делать. Только устанет.

— Бабушка, но я ведь ей обещал!

— И зря. Танишку я всё одно не пущу. Лидочка её бы тоже не пустила. Садись-ка лучше да поешь на дорожку, а я в молочную схожу, пока народу мало.

Бабушка набрала полную сумку кефирных бутылок, повязалась старинным чёрным платком и ушла.

Лёша потихоньку, чтоб не звякнуть ложечкой,пил чай, смотрел на Танию и думал:

«Как же теперь быть? Не брать — неудобно, а брать — ребята поднимут на смех. «Ты бы ещё, — скажут, — младенца с собской привёл». Возьтись там с ней ещё, нянчиться! И зачем только я обещал? В общем, так: проснётся — возьму, а проспёт — пеняй на себя!»

Но Тания не просыпалась. Она вчера вечером поздно заснула. Она всё лежала с открытыми глазами и думала, как они с Лёшей поедут за кладом, как они его выкопают... Ей даже самый клад приснился: огромный зелёный сундук, а в нём всякие диковинки и сокровища.

Лёша допил чай, закинул за плечи лямки вещевого мешка, взял заступ и пошёл к двери. И всё потихоньку, на цыпочках.

На пороге он остановился, подумал, вернулся, вырвал из записной книжки листок и крупно, чтобы Таня смогла разобрать, написал:

«Таня, ты не обижайся, а только ты спала, вот и получилось. Только смотри не реви. Вернись из Шумилова, сходим с тобой в кино».

И подписался: «А». И точку поставил.

Куда б это пристроить, чтобы Таня сразу увидела? Вот сюда, пожалуй.

Лёша положил записку на подушку возле Таниного носа, подхватил заступ, взял его на плечо, как винтовку, и вышел из комнаты.

А Таня всё спала. Потом бойкая весённая муха вздумала прогуляться по Таниной пухлой губе.

Таня мотнула головой, дунула и повернулась на другой бочок. Но тут она сквозь сон вспомнила: сегодня что-то надо сделать важное. Ну да, сегодня надо ехать с Лёшей за кладом!

Она сразу открыла глаза. Ой, как светло! Значит, уже поздно. Что же это Лёша ещё спит!

Она откинула ногами одеяло и позвала:

— Лёша!

Молчит.

— Лёша!

Опять молчит. Видно, крепко спит.

Таня приподнялась на локте и посмотрела на диван. На диване Лёши не было!

Где же он? Таня сразу почувяла недоброе. Да нет, не может быть! Просто он пошёл на кухню умываться.

И Таня закричала изо всех сил:

— Лёша!

Тишина.

И тут только Таня увидела на подушке записку. Она схватила её, прочитала, сначала не поняла, потом поняла, бросила записку, уткнулась носом в подушку и заплакала. Мамочка! Да что же это! Не могли разбудить! Им бы только потихонечку позвать: «Таня», и она бы сразу вскочила и быстренько оделась. Не надо ей никакого кино. Подумаешь — кино! Ей надо клад копать. А теперь они будут копать клад без неё!

Таня подняла голову. Нет, нет, не может этого быть, чтобы без неё! Не может этого быть!

— Бабушка, — позвала она всхлипывая. — Ба...бушка!

Бабушка тоже не отвечает. Значит, они её оставили совсем одну. Одну-единешеньку.

Таня пододеяльником вытерла глаза и босая подбежала к окну. Было семь часов и ещё немного.

А Стасик, помнится, вчера сказал: «У школы к семи ноль-ноль». Ноль-ноль — это ничего не значит, значит просто к семи.

Можно ещё спеть. Пока они там будут собираться, договариваться... Только надо всё очень быстро. Лёшина школа недалеко, в переулке, рукой подать. Таня побежит, схватит Лёшу за руку: «Что, хотел без меня уйти?»

Таня живо оделась, наскоро причесалась, сунула в рот кусочек сахара, выбежала из квартиры и захлопнула за собой дверь.

Она быстро-быстро, прыгая через две ступеньки, сбежала по лестнице. Кое-где она даже на перилах прокатилась, как мальчишки.

На улице хорошо. Длинные тени от домов лежат на мостовой. Народу ещё мало. Сегодня воскресенье, все отдыхают. Таня побежала по тротуару. И вдруг, как нарочно, развязался шнурок на тапочке и потянулся за ногой, как хвостик. Но поправлять некогда. Надо скорей к школе, пока они не уехали.

Таня добежала до переулка. Издали ещё она увидела высокое новое здание мужской школы с большими окнами и колоннами. Дворничиха в белом фартуке поливала асфальт перед школой. Вода шипела. Над ней стояла маленькая радуга.

— Тётя... — Таня еле переводила дух. — Тётя...

— Берегись — ошпарю! — крикнула дворничиха.

Шланг был кое-где проколот. Из его боков со свистом вырывались тоненькие блестящие струйки. Холодные капельки, как бусинки, отскакивали от асфальта и падали на Танины ноги.

— Тётя, вы не видели... Тут мальчишки не собирались?

— С лопатами, что ли?

Тáня изо всех сил закивáла головой:

— Да, да, да, с лопáтами!

— Были, дóчка. На трамвáй пошли́, на двáдцать вторóй, что ли.

Водá снóва зашипéла. Тáня вздохну́ла, нагну́лась и стáла завязывать намóкший шнурóк.

— Тётенька, а давнó онí ушли́?

— Да тóлько что...

Тóлько что? Значит, их мóжно ещё захватить на останóвке. Это тóже недалекó. И Тáня пусти́лась бежáть к трамвáйной останóвке.

У чугу́нного столбá наро́ду было́ немно́го: жéнщина с ребёнком, старíк с ўдочкой, два солдáта с меда́лями. Но ни Лёши, ни Стáсика, ни другíх ребят из Лёшиной шкóлы нé было.

Всё пропáло. Онí уехали́ и тепе́рь б́дут копáть клад без неё. Что же тепе́рь дéлать? Тепе́рь нáдо итти́ домóй, к ба́бушке.

Но тут со звóном к останóвке подошёл нóвенький двáдцать вторóй трамвáй. Я́ркая вишнёвая крáска так и лóснилась на его́ бока́х и крúглом «животé». И звон у него́ был чíстый, высóкий, тóже как б́дто нóвенький.

Трамвáй останóвился пóдле Тáни. И Тáня недóлго думая вскочíла в вагóн. Мóжет быть, Лёша там?

Изнутрí вагóн тóже был нóвенький, весь румя́ный какóй-то. Но Лёши там нé было.

Вдруг трамвáй пошёл. Тáня крикну́ла:

— Остановите́, я ещё́ не сошла́!

Ктó-то сказа́л:

— Сойдéшь на слéдующей.

И тут Тáня подумáла: зачём сходить́? Вель Лёша на двáдцать вторóм, и она́ на двáдцать вторóм. Значит, его́ мóжно догна́ть

Вот интересно будет, если она его догонит! Он всё будет ахать да удивляться: «Откуда ты взялась? Вот это да! Ай да Тánя!»

— Дóчка, а ты, между прочим, почему билет не берёшь?

Тánя подняла голову. Это кондуктор. У него сердитые брови. Тánя растерялась. У неё и денег с собой ни копейки. А дома в копилке, как нарóчно, осталось восемь рублей своих, Тánиных, денег.

— Я... брата догоняю, — сказала Тánя, — он тоже на двадцать втором. Вот догоню и возьму билет.

— Ведь ты, небось, и в школу ходишь, — сказал кондуктор.

— Я уже во втором классе, — сказала Тánя.

— Видишь! Значит, полагается билет.

— Вы не думайте, я знаю, что полагается, — сказала Тánя.

Вдруг сзади протянулась чья-то рука:

— Кондуктор, держи монётку. За девочку.

Тánя оглянулась. Это был старичок с удочкой. Он дал Тánе синенький бумажный лоскуток:

— Держи, дочка. Ты куда же это собралась одна, без отца-матери?

— Я брата догоняю, дедушка, — ответила Тánя. — Он поехал клад копать.

— Клад? — Старик улыбнулся, и сразу стало видно, что у него очень мало зубов. — Смотри, выроешь клад — не забудь мне должок вернуть.

— А я не знаю, где вы живёте, — сказала Тánя.

Но старик уже прошёл вперёд. Его тонкая удочка качается над головами где-то там, вперёд, у первой площадки.

Тánя крикнула на весь вагон:

— Дедушка, спасибо!

И крепко зажала в кулаке синий бумажный лоскуток.

СЕЙЧАС С ВАМИ БУДУТ ГОВОРИТЬ

Бабушка купила молока и пошла домой. Лифт с девяти, а сейчас только восемь. Вот ей и пришлось пешком взбираться на пятый этаж. Она шла и думала:

«Сейчас напою Танюшку молочком, сама кофейком побалуюсь, а потом мы с ней уберёмся и сходим в Зоопарк, к мартышкам...»

Она отперла дверь, зажгла на кухне газ и поставила молоко на огонь, который был очень похож на большой цветок с голубыми лепестками. Лепестки чуть шевелились.

Молоко морщилось, словно сердилось на бабушку за то, что она стережёт его. Морщилось-морщилось, потом как вздётся белой шапкой! Но тут бабушка подхватила горячую кастрюлю и понесла в комнату.

Вдруг она чуть не выронила кастрюлю. В комнате Танюши не было! Везде набросано. Чулки — на столе, одеяло — на полу, сахарница — на стуле...

Бабушка покачала головой. Увёл-таки девчонку, вот непослушный! Что ж, она теперь целый день не ёвши, не пивши будет бродить с ними, клад какой-то там копать, намается, головку напечёт...

Бабушка вздохнула и принялась за уборку. Не с кем ей теперь кофейку попить, не с кем к мартышкам сходить!

Она подняла Танино одеяло и встряхнула, чтобы постелить. Из одеяла выпала записка. Бабушка подняла её. Может, нужная? Справка? Или доверенность?

Бабушка надела очки, прочтала:

«Таня, ты не обижайся, а только ты спала. вот и получи-лось. Только смотри не реви. Вернись из Шумилова, сходим с тобой в кино. А.»

Это что ж такое? Это, стало быть, Лёша ушёл вперёд, а Таниюшка уж потом за ним вдогон пустилась! Батюшки, что ж теперь будет! Хорошо, как Таниюша догонит его. А вдруг не догонит? Она ведь тогда и дальше побежит. Ведь у неё характер настойчивый, в отца пошла. Андрей тоже с этих лет бывало как чего задумает, обязательно на своём поставит!

Правда, Таниюша девочка сообразительная, и адрес свой знает, и спросить может.

Но движение на улицах — вот что страшно. Ведь это не Кунцево, это Москва. Машины так и бегают одна за другой!

Бабушка растерялась. Начнёт подметать — бросит. Начнёт постели стелить — тоже бросит.

Может, в милицию позвонить? Милиционеры недаром по всей Москве расставлены. Ведь это их забота — следить, чтобы маленькие девочки одни не бродили по Москве.

Но как дозвониться? Очень это мудрёное дело. Если бы просто снял трубку да голос бы услышал человеческий, тогда ничего. А тут крути-верти, гудки понимай. А как вертеть, в какую сторону?

Бабушка смотрела на кружок с дырочками и цифрами и всё прикидывала: как бы так позвонить, чтобы в милицию попасть?

И вдруг, как нарочно, телефон сам громко-громко затрещал.

Бабушка даже вздрогнула. В ногах сразу появилась слабость. Это, наверно, они из милиции сами уже звонят. Мол, с девочкой несчастье случилось. Не ваша ли? В белом платье с синей каёмкой да в тапочках на босу ногу.

Бабушка опустилась на стул. А телефон всё звонит-заливается. Никогда ещё такого трезвона не было!

Бабушка трясущейся рукой взяла трубку:

— Слушаю!

В трубке сказа́ли:

— Сейчас с вами будут говорить!

Бабушка хочет сказа́ть «Хорошо» и не может. И только всё сильнее прижимает трубку к уху.

А в трубке шум, писк, треск, не поймёшь ничего, и только всё мерещится что-то страшное.

Вдруг бабушка услышала родной, знакомый голос:

— Алло! Кто это? Почему не отвечаете?

— Лидочка! — крикнула бабушка. — Лидочка, это ты?

— Здравствуйте, Прасковья Петровна! Это я... звоню из санатория. Ну, как вы там без меня?..

— Ничего, Лидочка. Вот Алёшенька нынче чуть свет уехал копать чего-то...

— А, — сказала мама, — это я знаю, это он с отрядом.

А Танюшка как там? Спит ещё?

— Нет, — сказала бабушка.

— Тогда, мамаша, позовите её к телефону.

Бабушка переложила трубку в другую руку и сказала:

— Лидочка, Татьяна тоже уехала.

— Куда? — спросила мама. — С Лёшей?

— Да нет, Лидочка, не с Лёшей, а за Лёшей...

— Как — за Лёшей? — крикнула мама. — Алло, не слышу...

Как — за Лёшей? — И бабушке слышно было, как мама где-то там далеко дует в трубку. — Алло...

— Видишь, Лидочка... только ты не тревожься... Он-то раньше ушёл, а она — за ним, догонять его... Я за молоком отлучалась. Он тут без меня ушёл...

Мама стала громко и быстро говорить:

— Мамаша, как же так... Ведь она ещё маленькая, ведь её искать надо... она может потеряться... Как же вы так?

Бабушка не знала, что сказать, и только горестно кивала головой вместе с прижатой к уху телефонной трубкой. А в трубке был слышен мамин тревожный голос:

— Мамаша, вы только скажите: может, вы слышали, куда Лёша поехал, может он говорил...

— Говорил, Лидочка, да и в записке пишет: в Шумилово, мол, еду.

— Куда? Мамаша, вы погромче, поясней, по буквам скажите.

Бабушка раздельно сказала:

— Шу-ми-ло-во! Деревня такая, Шумилово...

Вдруг чужой голос сказал:

— Кончайте, разъединяю!

— Минуточку, — сказала мама. — Прасковья Петровна, вы будьте дома, я вам ещё позвоню, я...

Но тут разговор оборвался. В трубке опять раздался писк, шум и треск.

— Лйда! — позвала бабушка. — Лидочка!

Но Лйда не отвечала. Бабушка подержала ещё немного трубку возле уха, потом осторожно положила её на место.

Глава седьмая

ПОЁЗДКА С ПЕРЕСАДКАМИ

А двадцать второй трамвай всё вез и вез нашу Танию по Москвѣ.

Она давно так далеко не забиралась. Всё, что ей нужно, всё есть там, на Красной Пресне. Школа — близко, кино — близко, Дом пионеров — близко, Зоопарк, и тот близко.

Таня сидит на передней лавочке, прижала нос к стеклу и смотрит вперёд. Почему трамвай так тихо идёт? Почему то и дело остановки? Крикнуть бы водителю: «Полный ход!» Но на площадке написано: «С вагоновожатым разговаривать воспрещается».

Значит, нельзя!

На передней лавочке очень хорошо сидеть. Всё видно. За полгода улицы изменились. Они стали нарядней и как будто пошире. Везде цветы, яркие ларьки, мороженщицы в белых халатах и шапочках. Милиционеры в белых перчатках поднимают полосатые палочки. Везде горят светофоры, и огоньки в них перескакивают из красного окошка в зелёное. А то вдруг загорится жёлтое окошко, и тогда кажется, будто на улице вырос большой подсолнух.

Кондуктор басистым голосом выкрикивает:

— Никитские ворота!

— Площадь Пушкина!

— Петровские ворота!

Да, Тánя далеко забралась! А вдруг она Лёшу не найдёт? Она ведь тогда, пожалуй, потеряется. И денег на обратную дорогу нет.

Тане становилось не по себе, когда она думала об этом.

— Тру́бная пло́щадь!

Тánя всё крепче прижимает нос к стеклу. Ей кажется, что она тоже вагоновожатый. Вот кто-то перебегает дорогу. Скорей звонок — день, день, день, не стой на пути! Вот трамвай подходит к остановке, надо тормозить, вот так! Вот звонок кондуктора, тормоза долгой — день, день, поехали!..

Хорошо быть вожатым! Катайся целый день по нарядным московским улицам, и все светофоры тебе светят, и все милиционеры встречают тебя взмахом палочек, и все люди на остановках смотрят в твою сторону и радуются твоему приходу

— Площадь Дзержинского! Точка. Приехали. Дальше не пойдёт, — говорит кондуктор. — А скоро и вообще здесь ходить не будет.

— Почему?

— Чтобы просторней на улице было. И грохота меньше.

Все вышли из вагона, и Тánя тоже вышла. Ох, какая большая площадь Дзержинского! Машины мчатся по кругу, словно ребята на катке. А народ идёт густо, будто все только что вышли из кино. На Красной Пресне тоже много народу, но здесь побольше.

Тánя стала смотреть во все стороны. Как найти Лёшу в такой толпе? Конечно, его можно только по лопате узнать.

Народ идёт мимо Тánи, все в новых костюмах, потому что воскресенье, но никого с лопатой не видно.

Но вот вдаль над головами мелькнула лопата. И обвязана белой тряпочкой. Тánя побежала за ней:

— Лёша!

Лопáта потерялась, потом опять стала видна. Тánя, растáлкивая народ, добежала до лопáты:

— Лёша, постóй!

Хозяин лопáты обернулся. Это был вóвсе не Лёша, а усáтый дýдя.

— Тебé что, дéвочка?..

— Ничегó... Мне Лёшу...

— А я не Лёша, а Вíктор Борíсович...

— А почему у вас нáша лопáта?

— Вáша лопáта? Забáвно!

Усáтый дýдя переложил лопáту на другóе плечó и быстрéй зашагáл прочь от Тánи.

Тánя растерялась. Что ж тепёрь дéлать? Тепёрь нáдо итти обратнó на трамвáй. Билét у неё ещё остáлся. Вот он, в кулакé.

И Тánя пошла обратнó. Вдруг она увидела неподалёку на высóком дóме большúю бýкву «М». Тánя знает — это метрó. Онí с мáмой скóлько раз éздили.

Тánя вспомнила, как Стáсик сказáл: «На метрó до Кíевской». Значит, нáдо на метрó до Кíевской.

Тánя пошла к бýкве «М» и вмéсте со всéми спустилась в подзёмный дворéц. Там вездé лампы, колóнны, украшéния. За перегорóдкой из серéбряных труб стóит дежурная в красной фуражке.

— Дéвочка, — сказáла она, — а билétик?

Опáть билét! Раньше, когда Тánя была мáленькой, было хорошó. Никтó не спрашивал билéта. А тепёрь, кудá ни пойдёшь, — билét!

Тánя показáла синий трамвáйный лоскутóк. Дежурная взяла его и бросила.

— Этот не годится.

— Тётенька, у меня другóго нéту.

— Девочка, но ведь ты уже большая. У нас без билета только до пяти лет.

— Что вы, мне уже скоро восемь!

— Я вижу, — сказала дежурная. — Отойди в сторончку!

— Тётяшка, а вы подумайте, что я маленькая. Мне надо брата догнать, а деньги я забыла. А у меня дома своих восемь рублей тридцать копеек.

— Ну ладно, — улыбнулась дежурная, — я подумаю, будто ты маленькая. Иди!

И Таня прошла мимо серебряной загородки. Потом она подошла к лестнице, скок на бегущую ступеньку, потом скок со ступеньки и пошла по мраморному полу.

А кругом всё так красиво, всё блестит, взад и вперёд снуют люди... Таня стоит на платформе и думает:

«Неужели здесь раньше стояли койки и на них лежали мамы с детьми и бабушки? И мы с Лёшей! А наверху была тёмная Москва! Неужели это на самом деле было так?»

Таня поёжилась. Об этом даже думать и то страшно было. А сейчас здесь так светло, весело, хорошо...

— Отойдите от края!

Подкатил голубой поезд. Двери открылись. Таня шагнула в вагон. Двери закрылись.

— Готов!

Поезд помчался. Как быстро он шёл — быстрей всего на свете!

Таня спросила:

— А на этом метро можно до Киевской?

— Нет, девочка, надо пересадку.

О, это даже лучше! Лишний раз на лестнице-чудеснице прокатиться!

Вот и станция. Эта ещё красивей, чем та. Тане очень хочется всё разглядеть: все фигуры, и узорные стены, и картины, но — некогда! Надо скорее догнать Лёшу.

И Таня опять — скок на лестницу, скок с лестницы, и вот снова поезд — не голубой, а шоколадный.

Ту-у... — гудит машинист, и длинные светлые вагоны мчатся по подземным коридорам, сворачивая немножко то вправо, то влево. Маленькие фонарики за окном в тоннеле так и мелькают, так и мелькают.

Вдруг что-то словно ударило в глаза. Таня зажмурилась. Потом открыла глаза. В вагоне стало ослепительно светло. Солнце так и хлынуло во все окна! Таня испугалась: как же это метро выскочило наружу?!

Но никто не испугался. Поезд шёл по мосту. Внизу была Москва-река. Солнце купалось в ней. Под мостом проходил белый пароход, над ним полоскался флаг с буквами «М. В.»

Кто-то сказа́л:

— Кана́л «Москва́—Во́лга».

Лю́ди на пароходе маха́ли Та́не рука́ми, и Та́ня маха́ла им в отве́т.

Но тут по́езд снова нырну́л в тоннель. В вагоне о́пять на́ста́л ве́чер. А Та́ня сло́вно ещё ви́дела освещённую со́лнцем Москв́у-реку́, бе́лый пароход, фла́г с голу́быми бу́квами...

За о́кнами засверка́ли огни́. Это Кие́вская. Здесь Та́ня некогда́ ещё не была́. На́до наро́чно прие́хать с ма́мой, что́бы всё рассмотре́ть: и потоло́к, и коло́нны, и стёны... Но сейча́с на́до скорей на́вёрх, к Ле́ше.

И вот Та́ня снова на у́лице. Перед ней простóрная пло́щадь и большо́й дом. Называ́ется: Кие́вский вокза́л. На нём часы́. На них уже́ де́вятъ.

Здесь бы́ло мно́го люде́й с лопата́ми. Не́которые лопаты́ были́ обмо́таны цветны́ми тряпочка́ми; за те́ми Та́ня не бежа́ла. А то́лько за бе́лыми. И всё-таки́ Ле́ши не́ было.

Но ве́дь Ста́сик я́сно сказа́л: «На метрó до Кие́вского». А пото́м он сказа́л: «На авто́бусе до Шуми́лова».

Тепе́рь остаётся одно́: е́хать на авто́бусе до Шуми́лова. Та́м-то уж Ле́ша на́верняка́ найдётся.

Та́ня спроси́ла у милиционерá:

— Где авто́бус до Шуми́лова?

Она́ бо́ялась: а вдруг он ска́жет, что ника́кого Шуми́лова нет и, значит, она́ не поняла́ Ста́сика! Но милиционер сказа́л:

— А вон там, на уго́лке!—и да́же ру́ку к козырьку́ приложи́л.

Та́ня побежа́ла че́рез пло́щадь к остано́вке. На́ро́д сади́лся в большо́й те́мнозелёный авто́бус. То́лстая те́тя-конду́ктор вы́сунулась в авто́бусное о́кно и торопи́ла:

— Побы́стрей, поса́дка, побы́стрей!

Та́ня подня́ла го́лову и спроси́ла:

— Ско́лько сто́ит до Шумилова?

— Три рубля, де́вочка... Побыстрей, гра́ждане! Отправляю. Машина переполнена.

Три рубля! Та́ня задумалась. Ох, как мно́го! Где взять сто́лько де́нег? А до́ма в копилке во́семь рубле́й три́дцать копе́ек!

Тем вре́менем авто́бус гудну́л, вы́пустил голу́бой дым и ука́тил.

Та́ня до́лго смотре́ла ему́ вслед. Он бы́стро шёл по у́лице, чуть пода́вшись на́бок; вот он стал совсе́м ма́ленький.

Та́ня вздохну́ла. Ско́ро он бу́дет в Шумилове. А она́ всё ещё сто́ит здесь. Нет, сто́ять нельзя́, а то они́ там всё ви́роют без неё. На́до итти́ тудá, куда́ пошёл авто́бус. Тепе́рь уже́ недалеко́.

И Та́ня зашага́ла в Шумилово вслед за большо́м те́мно-зеле́ным авто́бусом.

Глава восьмая

ИСКАТЬ, ТАК ВМЕСТЕ

Тепе́рь на́до немно́го расска́зать про ма́му. Она́ разговари́вала с Москво́й из кабинета́ санато́рного врача́. Когда́ ба́бушка там, на Кра́сной Пресе́не, положи́ла тру́бку, ма́ма здесь, в «Зелёном шу́ме», то́же положи́ла тру́бку.

Непода́леку, за столо́м, сиде́л врач. Он спроси́л:

— Что случи́лось, Ли́дия Миро́новна? Чем вы расстро́ены? Да вы сядьте!

— Нет, нет, до́ктор, — отве́тила ма́ма, — на́до итти́...

— Куда́ итти́?

— Сама́ ещё не знаю́, куда́...

Врач с уди́влением посмотре́л на ма́му:

— Лидия Мироновна, что случилось?

— Случилось вот что, доктор: моя дочка ушла из дому.

— Как ушла? Куда?

— Не знаю, доктор. Ничего не знаю. Знаю только то, что мне сейчас бабушка сообщила. Сын уехал, а дочка пустилась за ним.

Доктор встал и чуть ли не насильно усадил маму на чёрный клеёнчатый диван:

— Минуточку, Лидия Мироновна... Давайте выясним: сколько вашей беглянке лет?

— В августе исполнится восемь.

Доктор постучал пальцами по холодному толстому стеклу, которое лежало на столе:

— Восемь лет—это, знаете, вполне самостоятельный возраст. Восемь лет—это, я сказал бы, уже гражданка. Теперь второе: известно ли, куда эта гражданка направилась?

— За братом, доктор.

— Да, но куда, собственно, он-то собрался?

Мама пожала плечами:

— Если только я верно поняла... слышимость неважная... в Шумилово, что ли.

— Куда?—Врач даже приподнялся со своего стула.— В Шумилово?

— Шумилово... или, может быть, Шутилово...

— Позвольте,—вскочил доктор,—Шумилово, да ведь это тут, рядом! Туда наши больные на прогулку ходят! Впрочем, ведь вы у нас недавно, не знаете. Отлично! Мой вам совет: позавтракайте и не торопясь прогуляйтесь в Шумилово. И, ручаюсь, вы там свою беглянку найдёте. Восемь лет—это вполне зрелый возраст, да!

Мама поднялась:

— Прошу вас объяснить мне дорогу, и я пойду.

Доктор рассказal, как иттi, потом отвернул полy белого халата, достal серебряные часы, посмотрел:

— Через пять минут завтрак. Всё же лучше вам сначала поесть.

— Нет, доктор, простите, но я сейчас пойду!

Доктор щёлкнул серебряной крышечкой:

— Да... материнское сердце... Прошу помнить: оно у вас нуждается в покое. Так что вы не спеша, не спеша.— Он спрятал часы в карман.— Интересно, что же всё-таки привлекло вашего сына именно в Шумилово?

— Он ведь пионер... Увлекается страшно археологией. Они всем отрядом поехали туда на какие-то раскопки.

— А,— сказал доктор,— пионеры, это да... это дотошный народ. Всё им надо знать, всё видеть... До всего докопаются! Ну-с, желаю успеха. Только помните: не спеша!

— Спасибо, доктор!

Мама вышла из кабинета и по лесной тропинке направилась в Шумилово.

Утро очень хорошее. В лесу звонкими голосами поют птицы. Ёлки протягивают маме пушистые ветки, похожие на трёхпалые лапки. Концы этих лапок украшены новыми, яркозелеными мягкими иголочками. Мама шагает быстро, гораздо быстрее, чем ей полагается. Иногда она останавливается, отдыхает и опять принимается шагать.

Мама шла быстро. Ей хотелось поскорей увидеть Таню. И вот лес кончился. Сразу стало светло. На лугу паслось стадо. Старик-пастух лениво помахивал длинным кнутом. Вдали синела речка. На том берегу видна была деревня. Все дома новые. Некоторые ещё не совсем достроены.

— Это Шумилово?— спросила мама у пастуха.

Старик поднял голову:

— Ась?

— Это Шумилово, дедушка? — крикнула мама.

— Она самая. — Старик показал кнутом: — Вон туда ступай, низом, на мосточек.

Через речку был перекинут узенький, в две доски, мостик. Мама перешла по новым, ещё не затоптанным доскам на ту сторону и поднялась на крутой берег. Наверху она остановилась и приложила руку к груди. Под рукой отчаянно билось сердце. Мама, тяжело дыша, стала оглядываться.

Справа тянулась деревня. Вдоль всего порядка лежали жёлтые стружки, смолистые щепки, брёвна. Слева белели берёзовые пенёк. Земля была во многих местах изрыта воронками от бомб, окопами, ходами сообщения. Всё это заросло травой. Вдали стояла одна уцелевшая старая берёза с печально опущенными ветвями. Мама подошла поближе к берёзе. Под берёзой толпились ребята. Видно было, что одни из них приезжие, а другие здешние, шумиловские. Ребята о чём-то горячо спорили. Мама слышала выкрики:

— Не дадим копать!

— Ничего здесь нет!

— Вам кажется, что нет, а мы знаем, что есть!

— Мы тут цветы посадим!

— Подумаешь, цветы! Как будто вам места мало!

А в сторонке, на пенёк, спокойно сидел человек в серой помятой шляпе, курил трубку и, улыбаясь, поглядывал на спорщиков.

Мама подошла к нему. Он встал, снял шляпу:

— Вы кофó-нибудь ищете?

— Я ищу Таню... Таню Зотову. И Алексея Зотова...

— Таню Зотову? Нет, такой не знаю. А Лёшу Зотова мы вам сейчас добудем.

Он громко позвал:

— Алёша!

Из-за берёзы тотчас же показáлся Лёша. Он приложíл рúку ко лбу и с минутóу смотрёл на мáму, слóвно не узнавáл её. Потóм закричáл: «Мáма!», и óпрометью брóсился к ней:

— Мáма! Откúда? Почему ты здесь, мáма? Вот это да! Вдруг — мáма!.. Алексéй Кузьмíч, это моя мáма!

— Очень рад! — Алексéй Кузьмíч поклонíлся. — Я преподаю истóрию в шкóле, где учится ваш сын. Одíн из моих лúчших ученикóв, náдо сказа́ть.

Мáма подалá рúку Алексéю Кузьмичú. Ей приятно бýло слýшать похвалу сыну. А ещё приятней, пожа́луй, ей бýло прóсто вíдеть его. Всё-таки за три дня она́ немно́го соскúчилась по нему́. А какой у него́ воинственный вид: ковбóйка на груди́ расстёгнута, на плечé, как винтóвка, — заступ, на бокú — фляжка...

— Мáма, — повторíл Лёша, — почему ты здесь? Ведь ты в санатóрии? Ничего́ не понимаю!

— Лёша, — сказа́ла мáма, — об это́м потóм. А сейча́с одно́: Та́ня здесь?

— Та́ня? — переспросíл Лёша. — Откúда же? Не́ту! А что? Мáма, что случíлось?

Мáма снова приложíла рúку к груди́ и ме́дленно опусти́лась на пенёк:

— Случíлось то, что её до́ма нет!

— Как нет? Где же она́? Когда́ я уходíл, она́ спалá.

— Спалá, — сказа́ла мáма, — а потóм встáла и пошла́ за тобо́й.

Лёша растерянно смотрёл на мáму. Он действíтельно ничего́ не понимáл.

— Но откúда ты это́ знаёшь, мáма? Разве ты была́ в Москвё?

— Нет, Лёша. Но я разговáривала с Москвóй по телефóну...

Теперь вот что. Теперь надо Таню искать. Слышишь? Давай
сообразать, что делать.

Лёша сдвинул брови, засунул руки в карманы и зашагал
по траве назад и вперёд, как по комнате.

— Мама, вот что, — сказал он, — я думаю так: ты тут по-
сиди в тени, отдохни, а я махну на шоссе, к автобусу. Буду
там ждать, у остановки. А не дождётся — поеду в Москву.
Правильно?

Мама спросила:

— А раскопки твой как же?

Лёша оглянулся на ребят, которые всё ещё были заняты
спором, вздохнул, поправил на себе фляжку и сказал:

— Как-нибудь без меня раскопают. Обидно, конечно. Всю
вину о них мечтал, готовился...

Ма́ме ста́ло его́ жа́лко. Она́ сказа́ла:

— Нет, Лёша, остава́йся. Я одна́ пойду́.

Но Лёша наотре́з отказа́лся:

— Нет, ма́ма! Искать, так вме́сте. — Он оберну́лся к Алексе́ю Кузьми́чу: — Алексе́й Кузьми́ч... вот... мой за́ступ... мо́жет, кому́ пригодится. Вот тут вода́... по́льная фла́жка... Возьми́те. — Он снял фла́жку и положи́л её на траву́. — А я, Алексе́й Кузьми́ч, пойду́ сестре́нку искать. Сестра́ у меня́ пропа́ла...

— Погоди́, — сказа́л Алексе́й Кузьми́ч и крикну́л: — Товари́щи! Внима́ние!

Сра́зу ста́ло ти́хо. Все замолча́ли — и шуми́ловские и мо́сковские.

— Товари́щи, у Лёши Зо́това потеря́лась сестре́нка. Есть предположе́ние, что она́ пробира́ется сюда́. Она́ ма́ленькая и мо́жет в лесу́ заблуди́ться. Предлага́ю выде́литель не́сколько челове́к в по́мощь. Кто жела́ющий?

— Я! Я! Я! — раздало́сь мно́го голосо́в.

Шуми́ловские ребя́та закрича́ли:

— Мы пойдём! Мы тут все ходы́-выходы́ знаём!

— Отлично́, — сказа́л Алексе́й Кузьми́ч. — Пойду́т Ста́сик, Же́ня Ма́лов, ну и вот вас, шуми́ловских, дво́е. Как вас зову́т? Ми́ша и Ники́та? Отлично́, Ми́ша и Ники́та... Вот тебе́, Лёша, боева́я четвёрка.

Лёша сказа́л:

— Ма́ма, видишь, нас мно́го. Побудь здесь, отдохни́!

— Нет, нет, — сказа́ла ма́ма, — я с ва́ми! Искать, так вме́сте.

И Ми́ша с Ники́той повели́ ма́му, Лёшу, Ста́сика и Же́ню Ма́лова по просе́лочной доро́ге на Можайское шоссе́, к авто́бусной останóвке.

ЗОЛУШКА

Таня шагает по Можайскому шоссе. Одна коса у неё расплелась — ленту она где-то потеряла. Но это ничего! Итти можно. Вот если бы только солнце поменьше пекло да если бы где-нибудь водички холодненькой напиться.

Таня смотрит по сторонам. Вдоль шоссе тянутся многоэтажные красивые дома. Сразу видно, что новые. И не хуже, чем на Красной Пресне, а то, может, и лучше.

Прошло, наверное, с час. А Шумилова всё не видать. Ноги у Тани начали уставать. Но отдохнуть некогда. А то они там весь клад без неё выкоют!

А бабушка, наверное, сейчас сидит дома, пьёт кофе, макает в него коричневый, поджаристый сухарик. И сухарик становится мягкий-мягкий и кусочками шлёпается в кофе.

Вот бы сейчас проглотить такой кусочек!

Нет, бабушка сейчас скорее всего не пьёт кофе. Она, скорее всего, сидит и думает: «Где-то наша Танюша теперь?»

В тапочку откуда-то попал маленький камушек. Острый, и больно ступать.

Таня остановилась, сняла тапочку и начала её вытряхивать. Сзади загудело: ту-ту!

Таня оглянулась. По шоссе мчалась легковая машина. Таня запрыгала на одной ноге, чтобы пропустить машину. И вдруг уронила тапочку.

— Ой!

Таня кинулась за тапочкой. Но тут...

Но тут надо сначала описать машину. Это был длинный чёрный, обутый в белые нарядные шины «ЗИС-110». Это самая лучшая, самая красивая машина. В ней сидело двое военных. Один постарше, седой, а другой помоложе.

— Тánя в ту минúту, конéчно, ничегó этого не видела. Она брóсилась выручáть тáпочку, но не успéла. Правое колесó наéхало на бédную тáпочку, и она остáлась лежáть на асфáльте плóская, как дощéчка.

Машíна останóвилась. Одíн из военнóх вь́сунулся в открь́тое окнó:

— Дéвочка, ну как, живá твоя тáпочка?

Тánя подобрáла тáпочку, распрáвила её и подошлá к машинé. В лакирóванной двёрце отражáлись шоссé, домá, нéбо и самá Тánя, как она стóит — однá ногá босáя, волóсы растрéпаны.

— Живá, — сказáла Тánя. — Вы её раздавили, но она не раздавилась.

Седóй военнóй спросíл:

— Любопы́тно: кудá ты éто шагáешь однá по шоссé, да ещё тúфли свой подбрасываешь дóбрым лю́дям под колеса?

Тánя спрýтала тáпочку зá спину и сказáла:

— Я идú в Шумíлово.

— Кудá? — переспросíл другóй военнóй и переглянулсá с тем, котóрый был постáрше. — Как вам нрáвится, товáрищ генерáл? Она идёт в Шумíлово.

Тánя стáла во все глазá смотрётъ на седóго военнóго. Неужели éто настóящий генерáл? Тánя óчень любíла генерáлов, но никогдá ещё с нíми не разговáривала. Генерáл стрóго спросíл:

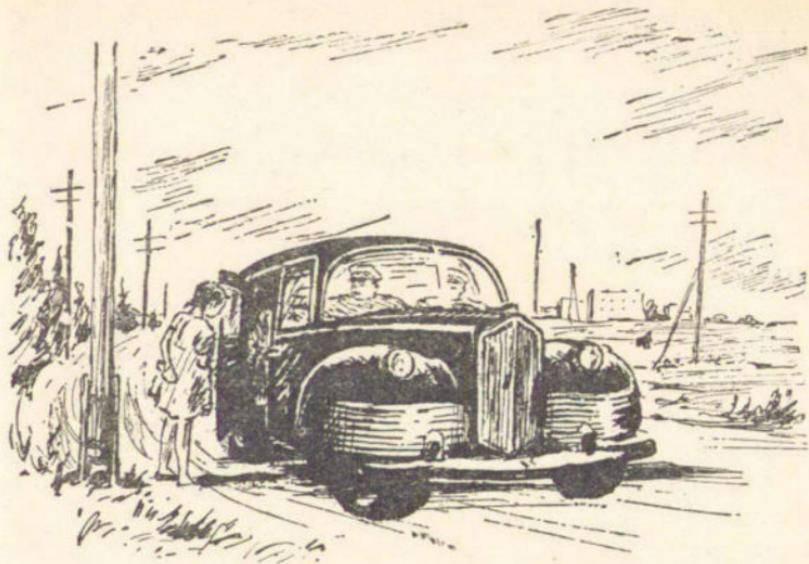
— Ты что же, врóде Зóлушки, выхóдит? Тúфельки свой теряешь!

— Э́то не тúфелька, — сказáла Тánя, — éто прóсто тáпочка!

— А ты знáешь, Зóлушка, скóлько до Шумíлова?

— Не знáю. Знáю, что там! — И Тánя показáла тáпочкой вдаль.

— «Там»! — передразнíл генерáл. — До éтого «там» дóбрых сбóрок киломётров.

Вдруг он открыл лакированную дверцу:

— А ну садись! Нёкогда нам тут со всякими Золушками
вре́мя терять!

Та́ня не зна́ла, садиться ей и́ли не садиться. Конечно, ей
очень хоте́лось прокатиться на «ЗИС-110», да ещё рядом с ге-
не́ралом. Шу́тка ли сказа́ть — пото́м все девчо́нки на дворе́
бу́дут завидовать! И все мальчи́шки. И да́же сам Ле́ша, и тот
бу́дет завидовать.

Все́-таки она́ не решáлась. Вдруг генерáлы повезу́т её обра́т-
но в Москву́ — тепе́рь, когда́ она́ уже́ и на трамва́е все́ про-
е́хала, и на метро́ все́ прое́хала, и почти́ что добра́лась до
са́мого Шуми́лова!

— Садись, садись! — сказа́л генерáл. — Нам по пу́ти, под-
бро́сим.

— Как э́то — подбро́сите? — Та́ня засмея́лась.

— А вот увидишь! Садись!

И Таня решилась. Она ступила босой ногой на тёплую шершавую ступеньку и очутилась на мягком сиденье рядом с генералом.

— Поехали, Сергей, — сказал генерал.

И машина быстро и неслышно понеслась по шоссе. И сразу же все дома, и столбы, и деревья — всё, что только что стояло на месте, всё это быстро-быстро поехало обратно, в Москву.

— Садись, Золушка, поудобнее, не бойся. Ехать ещё долго. Вот так. А к кому ты пробираешься в Шумилово, интересно? Если только это не военная тайна.

Тане очень приятно было сидеть, вытянув усталые ноги, на мягком сиденье и мчаться с такой невероятной быстротой. Она натянула раздавленную тапочку на ногу и сказала:

— Я брата догоняю. Он поехал клад копать. А меня не взял. А я тоже хочу. Потому что я ещё ни одного кладика не выкопала.

— Я тоже, — сказал генерал. — А что же это за клад, интересно?

— А я и сама не знаю. А вы видели когда-нибудь клады?

— Нет.

— И я не видела.

— А как же это папа с мамой тебя одну отпустили?

— А папы у нас нет. Он погиб на войне. Он, знаете, обещался написать письмо, да так и не написал. На войне знаете как? Там всё некогда, не до писем...

— Да, — усмехнулся генерал и погладил Таню по голове. — На войне действительно не всегда есть время для этого... Между прочим, товарищ полковник, — и генерал обернулся к другому военному, — это самое Шумилово, куда направляется наша Золушка, весьма памятное для меня место. Я там оборону

держал в сорок первом. Тяжело было. За спиной она, наша матушка Москва,—генерал кивнул головой в сторону заднего окошка,—отступать некуда. А немец упорно лезет вперёд. Танковые атаки одна за одной. Однако отогнали немца. Дальше Шумилова не пустили.

Таня спросила:

— Товарищ генерал, а вот вы были на войне, да?

— Приходилось, Золушка,—ответил генерал.

— А может быть... Вам мой папа там не попадался?

— А как его фамилия?

— Зотов, Андрей Васильевич.

— Зотов, Зотов, Зотов...—Генерал задумался, снял фуражку, потёр высокий лоб.—Нет, Золушка, Золотницкий... был у нас такой лейтенант. Но Зотова не припомню.

— Жалко,—сказала Таня.—Знаете, я его тоже не помню. А мама говорит, что когда я стану старше, я его вспомню.

— Конечно! Обязательно!—сказал генерал и снова поглядел Таню по голове.

А Таня стала осматривать машину. Ведь это не просто машина, а «ЗИС», и не просто «ЗИС», а «ЗИС-110»!

Таня на трамваях каталась, на метро, на автобусе и даже на двухэтажном троллейбусе каталась, два раза в Зоопарке на осликах прокатилась, но на «ЗИС-110» она ещё ни разу не каталась!

В открытое окошко задувал ветерок и трепал Танины волосы.

— Где же твоё ленте, Золушка?

Таня тряхнула головой:

— У меня, знаете, такие косы, что ни одна ленте не держится... А скоро Шумилово?

— Вот как будет столбик со стрелой, там мы тебя и... сбросим.

Таня внимательно смотрела вперёд, на блестящий, укатанный асфальт, который тянулся далеко, до самого неба. Всё время мелькали столбики, но, наверно, это были не те, не шумиловские, потому что генерал не приказывал водителю остановиться. Высокие дома давно кончились. По обеим сторонам шоссе теперь зеленел лес. Потом потянулось огромное поле. Потом был аэродром и настоящие самолёты. Их было очень хорошо видно. Потом опять начался лес. А ветерок всё время дул Тане в ухо, словно что-то ей говорил.

Вдруг Таня привстала.

— Что? — спросил генерал.

Таня не отрываясь смотрела вперёд.

— Вон, видите там, у столбика, там... тётеньку в белом — очень похожая на мою маму...

Генерал прищурился:

— На таком расстоянии мудрено что-нибудь разобрать.

— Нет, похожая, я чувствую.

Машина быстро шла, и скоро стало видно, что вперёд, у автобусной остановки, дожидаются несколько мальчиков и высокая женщина в белом платье. Вдруг Таня запрыгала:

— Это мама! И это Лёша! И это мама! И это Лёша!

Она высунулась в окно и стала изо всех сил махать рукой и кричать:

— Мама! Лёша! Мама! Лёша!

— Какая ты звонкая! — сказал генерал. — Ну, сейчас тебе достанется, если это мама.

Машина остановилась. Высокая, немного седая женщина кинулась к машине.

— Мама? — спросил генерал у Тани.

— Конечно, мама! — закричала Таня и стала дёргать ручку дверцы.

— Однако, тебя встречают с почётом!

Генерал нажал кнопку, дверца открылась. Таня прыгнула к маме и повисла у неё на шее. А Лёша, и Стасик, и Жёня, и Мйша, и Никита стояли навзятжку, как на параде, и только тарачили глаза то на Таню, то на генерала.

— Едем, видим — шагает по шоссе такая путешественница и туфли свой по асфальту разбрасывает, — сказал генерал. — На вот тебе, Золушка, держи! — Он подал Тане голубую ленту, которую подобрал на сиденье.

— Большое, большущее вам спасибо! — повторила мама!

Таня крикнула:

— Спасибо, товарищ генерал! У вас очень хорошая машина. И вы тоже очень хороший.

А Лёша отчеканил, точно сдал рапорт:

— Спасибо, товарищ генерал!

— Не стоит... До свиданья, Золушка! Желаю тебе найти большой, настоящий клад... Поехали, Сергей!

И длинный чёрный, обу́тый в белые шины «ЗИС-110» помчался по шоссе. А Таня, и Лёша, и мама, и Жёня, и Мйша, и Никита зашагали по просёлочной дороге. Таня долго ещё оглядывалась на полосатый столбик со стрелой и надписью: «В Шумилово. От Москвы сорок пять километров».

Глава десятая

МАЛЫЙ ПРИВАЛ

Мама не знала, радоваться ей или сердиться на Таню. Всё-таки она больше радовалась. Она с удовольствием прислушивалась к звонкому Таниному голосу. А Таня держала одной рукой маму за руку, другой — Лёшу и говорила, говорила без конца.

— А ты, Лёша, как не стыдно, ушёл без меня! А я всё равно доехала. И на трамвае, и на метро, и пешком ехала. У меня ни копеечки не было. А машина на мою тапочку — раз! Только ей ничего не сделалось. А генерал правда добрый?..

Она тараторила безумолку. А Стасик, и Жёня, и Миша с Никитой шли сзади, чтобы не мешать разговору матери с детьми.

Потом мама обернулась к ним:

— А кто из вас, ребята, знает, где тут санаторий?

Миша с Никитой в один голос сказали:

— Да вон там, на горке. Мимо пройдем.

— Вот и отлично, — сказала мама. — Сейчас мы с тобой, Татьяна, пойдем ко мне, причежемся, умоемся, поедим...

— А Лёша? — спросила Таня.

— И Лёша пойдёт.

— Нет, мама, — сказал Лёша, — мне надо в деревню. Там Алексей Кузьмич ждёт. И все. Неудобно.

— Мамочка, можно и я с ним? — взмолилась Таня. — А потом приду. Он меня проводит. Ладно, мамочка?

Мама посмотрела на Танино раскрасневшееся лицо, на её блестящие глаза, распутившиеся косички и сказала:

— Вид у тебя!.. Ну ладно! Иди уж... Только ты, Лёша, следй за ней в оба!

— Теперь я уж сама за ним буду следить! — сказала Таня.

Дорога привела их к высоким решётчатым воротам с вывеской:

САНАТОРИЙ «ЗЕЛЁНЫЙ ШУМ»

За калиткой, в будочке, сидел сторож. Он высунулся из будки:

— Потйше, граждане, здесь санаторий всё-таки!

— Ладно, Никанор Васильевич. — Мама остановилась у ка-

литки:— До свиданья, друзья. Так ты, Лёша, приведи Танию. Дорогу найдёте?

— Найдём. Дорога простая.

И мама пошла к себе в санаторий, а Тания с ребятами пошла в деревню.

Стасик сказал:

— Всё-таки добилась своего! Прикатила!

— Добилась, — ответила Тания.

А Лёша сказал:

— Я тебе говорил, от неё не отвяжешься.

Они быстро дошли до деревни. Там всё ещё продолжался спор:

— Не дадим копать!

— Нет, дадите!

— Нет, не дадим!

Алексей Кузьмич сидел на пенёке, курил трубку и пускал дым колёчками. Потом он встал, выколотил трубку.

— Точка. Довольно шуметь. Зовите председателя, раз вы нас так встречаете.

Лёша подбежал к нему:

— Алексей Кузьмич, сестрёнка нашлась!

— Ну-ка, ну-ка, покажи нам её. Ого, да это большая девочка! Она нам помогать будет. Будешь помогать?

— А как же! — ответила Тания. — Я для того и приехала. Я на «зисе сто десять» приехала!

Тут к берёзе подошёл председатель колхоза. Это была женщина в розовой кофточке и чёрной юбке. Она протянула руку Алексею Кузьмичу:

— Здравствуйте, дорогие гости! С чем к нам пожаловали?

Алексей Кузьмич вежливо приподнял шляпу:

— Мы приехали из Москвы для научной работы. Но ваша молодёжь, так сказать, встречает нас не очень-то приветливо.

— Как так? Что ж не поладили? Мы научных людей уважаем. Только больно они у вас молоденькие, — и председательница показала загорелой рукой на Лёшу, Танию, Стасика, Жёню и прочих пионеров, стоявших под берёзой. — А в чём ваша работа будет?

— Объясню, — сказал Алексéй Кузьмич и махнул шляпой: — Ну-ка, народы, расступись!

Ребята отошли немножко, и Тания увидела под берёзой два небольших круглых холмика. Оба они поросли травкой и одуванчиками. Неужели в одном из них зарыт клад? И Тание снова представился тяжёлый зелёный сундук, окóванный по углам медью. Сейчас они выкоплют его, откроют, а там внутри чего только нет! А чего именно, Тания и сама не знала. Это-то и было самое интересное.

Алексéй Кузьмич поднялся на один из холмиков, словно на трибуну, и сказал:

— Перед нами, товарищи, под этой берёзкой, два памятника глубокой древности.

— Это кургашки-то? — удивилась председательница колхоза и так посмотрела на холмики, словно увидела их в первый раз. — А мы на них, извините, коров пасём.

— Напрáсно, — сказал Алексéй Кузьмич. — Это древние захоронения. Сейчас мы их раскопаем. Кое-что там найдём. И находки эти расскажут нам о жизни наших предков. Разве это не интересно? Ведь это целая наука, называется «археология»...

Тания вдруг вспомнила длинное слово, которое было напечатано на Лёшиной книге, и крикнула:

— Интересно!

Алексéй Кузьмич улыбнулся:

— Вот видите. Вы нам помогать должны, а вы нас чуть-ли не в штыки встречаете.

Ребята зашумели. Председательница сказала:

— Сейчас разберёмся... Да разве мы против?.. Только вы не взыщайте, гражданин... А документ у вас есть на такое дело?

— А как же!

Алексей Кузьмич достал из кармана сложенный лист бумаги. Председательница развернула его, с уважением посмотрела на подписи и печати и стала вслух читать:

— «Академия наук СССР. Открытый лист. Разрешается производить археологические обследования и раскопки...» — Она бережно сложила толстую хрустящую бумагу и вернула её Алексею Кузьмичу: — Пожалуйста! Приступайте! А ну, ребята, все от курганов! Не мешай!

Она обернулась к Алексею Кузьмичу:

— А вы, гражданин, не ошибаетесь насчёт древности? Может, это окопы там или что... от сорок первого года?

— Я, — сказа́л Алексе́й Кузьми́ч, — раба́таю при Акаде́мии нау́к. Кро́ме того́, преподаю́ в шко́ле. Мо́жно сказа́ть — специа́лист. Так что вы уж не сомнева́йтесь.

Он крикнул:

— Ита́к, друзья́, отдохне́м, подзаку́сим — и за раба́ту! Объявляю ма́лый прива́л!

И соше́л с курга́на.

Все зашумели:

— Ма́лый прива́л! Ма́лый прива́л!

И все расположи́лись вокру́г курга́нов под ста́рой берёзой. Лёша и Та́ня то́же уселись под её печа́льно опу́щенными ветвя́ми, доста́ли из мешка́ хлеб, яи́ца, колбаса́ и ста́ли заку́сывать, как настоя́щие, опы́тные археоло́ги...

Глава одиннадцатая

А ЭТО КАКОГО ВЕКА?

Та́ня поела, «подзаправи́лась», как вы́разился Лёша, и запила́ водо́й пра́мо из фла́жки. Вода́ отдава́ла желе́зом и была́ уди́вительно вку́сной. Та́ня всю бы фла́жку вы́пила, но Лёша не дал:

— Хва́тит! Мнóго пить в походе́ нельзя́!

— А ра́зве мы в походе́?

— Конечно́!

Э́то Та́не понра́вилось. Она сверну́лась клубко́м, положи́ла го́лову на курга́н и ста́ла смотре́ть на Лёшу, кото́рый сидел́ ридом. И вдруг ей ста́ло каза́ться, что э́то не Лёша, а конду́ктор с се́дыми уса́ми. Потóм он преврати́лся в старика́ с у́дочкой, потóм в Ви́ктора Бори́совича с лопáтой, потóм в генера́ла. Кругóм вспыхнули лю́стры, промелькну́ла Москва́-

река, выросли колонны, и Тánя снова очутилась в «ЗИС-110». Только теперь она уже сама ведёт машину, и всё по тупелькам, по тапочкам...

Тánя спит. А старая берёза шелестит над ней молодыми листочками, длинные поникшие ветки чуть покачиваются, словно убаюкивают: «Спи, Тánя, спи!»

Вдруг над речкой, над полями раздалось звонкое:

Дон-дон! Дин-дон!

Тánя открыла глаза, оглянулась. Это Алексей Кузьмич стучит палкой по заступу:

— Дин-дон, кончай привал! За работу, друзья, за работу!

Он снял пиджак, засучил рукава. Руки у него сильные, вот с такими мускулами! А какой звонкий заступ! Тánя даже не знала, что бывают такие.

— Спи, Тánя, — сказал Лёша. — Спи, отдыхай!

— Нет, — вскочила Тánя, — больше не обманешь!

Все выстроились вокруг курганов. А шумиловские ребята стояли в стороне и перешёптывались. Сроду они об этих кургашках не думали. Сидели на них, коров пасли. Бугры и бугры, кругом вон их сколько, всяких ям и бугров, а тут вот что оказывается: «научные памятники». Вот смеху-то будет, если их разроют, а там ничего нет!

— Итак, — сказал Алексей Кузьмич, — приступаем. Разобьёмся на две бригады — по числу курганов. Одна, скажем, Стасика, другая — Лёши Зотова... Есть?

— Есть! — крикнули ребята.

— А теперь надо первым делом оба кургана измерить, зарисовать и нанести на план под номерами: К № 1 и К № 2.

Ребята взялись за работу. Стасик маленьким фотоаппаратом снял свой К № 1 и Лёшин К № 2. Тánя спросила:

— Алексей Кузьмич, а я что буду делать?

— Ты? Ну, ты, конечно, будешь в бригаде брата. Работы

хв́атит всем. — Он в́нул из карма́на крúглый футля́р, из ко́рого вытя́гивалась дли́нная бе́лая ле́нта с че́рточками. — Вот, кста́ти, Та́ня, держи́ коне́ц, бу́дем изме́рять... А вы за́писыва́йте: К № 1 — вы́сота метр со́рок... К № 2 — вы́сота метр три́дцать...

Та́ня крѣ́пко держа́ла коне́ц ле́нты и го́рдо погла́дывала на Ле́шу: а он е́щё бра́ть еѐ не хоте́л! Потом она́ подошла́ к нему́:

— Ле́ша, име́й в виду́, мне́ то́же на́до лопату́. Стде́льную!

— А где же я тебе́ возьму́? — сказа́л Ле́ша. — Подожди́, я порабо́таю, дам тебе́.

Но тут оди́н из шуми́ловских, ма́ленький ма́льчик в огро́мной зеле́ной фура́жке, крикну́л:

— Погоди́!

Он побежа́л к себе́ в дере́вню, в одну́ из но́веньких изб, сверка́вших на со́лнце же́лыми бревѣ́нчатыми сте́нами, и че́рез мину́ту верну́лся с желе́зным за́ступом:

— На́ вот, держи́!

— Ого́ како́й! Спаси́бо.

За́ступ был о́чень тяжѣ́лый, ро́стом го́раздо бо́льше Та́ни.

— Ле́ша, дава́й меня́ться!

— Ох, и заче́м то́лько ты при́ехала! — вздохну́л Ле́ша. — Ла́дно уж, дава́й. Да поти́ше, слу́шай объ́ясне́ния.

— Тепе́рь, — продо́лжа́л Алексе́й Кузьми́ч, — нам на́до с полови́ны ка́ждого курга́на сня́ть травяно́й покрóв, или, про́ще говоря́, де́рн. Ну-с, нача́ли!

Ста́сик со свое́го курга́на крикну́л:

— Вызы́ваю К № 2 на со́ревно́вание!

— Принима́ем! — крикну́ла Та́ня.

За́ступы уда́рили по земле́. Тра́ва крѣ́пко це́плялась корня́ми за родну́ю по́чву и ника́к не хоте́ла с не́й разлуча́ться. Ле́ша рабо́тал на верши́не курга́на. А Та́ня — у подно́жия.

Она старалась изо всех сил. Она то долбила заступом, будто ломом, то ударяла по траве, словно топором. Лёша крикнул:

— Брось, Тánя, без тебя управимся!

— Не управитесь!

Ей сразу стало жарко. Пот заливал лицо. Волосы то и дело падали на лоб и прилипали к нему. Но Тánя не сдавалась. И только тогда, когда весь дерн с К № 2 был снят, Тánя, как заправский землекоп, воткнула тяжёлый заступ в землю и повалилась на траву.

Лёша стоял на кургане. Ковбойка на нём была вся мокрая, лицо красное. Он спросил:

— Что, Таниóша, устала?

— Ничего, только руки натёрла.

— Покажи! — Он прыгнул к ней. — Постой, да ведь это мозоль! Хватит, а то хуже натрёшь.

Тánя подула на руку:

— Ничего. Давай дальше копать. — Ей не терпелось поскорей добыть заветный клад. — Давай, Лёша! Я уже отдохнула.

Копать было легче. Земля была мягкая, послушная, не то что дерн. Конечно, Лёша копал гораздо быстрее, чем Тánя. Он стоял на вершине кургана, с силой налегал ногой на заступ, глубоко вталкивая его и легко откидывая землю. Земля немного пахла грибами.

Лёша уже много выкопал. Он сначала откидывал жёлтую землю, потом пошла земля чёрная, потом красноватая. А Тánя всё возилась у подножия. Она выкопала самую чёткую.

Вдруг Лёша закричал не своим голосом:

— Стой! Нашёл! Алексей Кузьмич! Нашёл!

Он присел на корточки и начал разгребать красноватую землю руками. Все побежали на К № 2. Тánя кинулась к Лёше:

— Где, Лёшенька, где?

— Отойди, Тánя, не мешай!

Алексей Кузьмич пригнулся к земле рядом с Лёшей. Тánя с нетерпением смотрела на них. Неужели Лёша увидел уголок зелёного сундука? Сейчас они его вытащат! Но ведь им вдвоём не осилить тяжёлый сундук. Надо взяться всем. А Лёша, как нарочно, не пускает!

Наконец Лёша выпрямился. В руках у него... ничего нет. Нет, что-то есть! Что же это? Может быть, на сундуке висел замок и Лёша снял его? Тánя пригляделась: нет, это не замок. Это всего-навсего черепок! Обыкновенный грязный черепок! Таких сколько угодно можно найти на каждом дворе. Этим черепком только в классы играют. Да и то можно покрасивей стекляшку подобрать. Стоило ради этого несчастного черепка уходить из дому, догонять Лёшу, ехать без билета, волноваться! Сейчас Алексей Кузьмич бросит черепок и посмеётся над Лёшей. И, все ребята посмеются.

Но Алексей Кузьмич взял черепок, почистил его щёткой, полюбовался на него и сказал:

— Молодец, Зотов! Поздравляю с первой археологической находкой. Прекрасный образец гончарного искусства двенадцатого века. Обломок глиняного умывальника. Он пролежал в земле ни много ни мало восемьсот лет...

Восемьсот лет! Лёша вытирал грязным кулаком лоб и гордо улыбался. Стасик с завистью крикнул:

— Не робей, ребята! Мы сейчас тоже что-нибудь найдём! Пошли!

И на К № 1 снова дружно заработали лопаты. Земля так и полетела веером. А Тánя растерянно смотрела на черепок.

— Лёша... неужели это весь клад?

— Почему весь? Мы, Тánька, ещё что-нибудь найдём.

— Подумаешь, ценность! Черепки!

— Вот тебе и черепки. А может, ещё и украшение найдётся.

И Лёша, счастливо улыбаясь, завернул находку в бумагу и снова взялся за лопату.

А Тэне сразу расхотелось копать. Ей захотелось к маме, в санаторий. Там можно отдохнуть, умыться. Черепки—это неинтересно. Вот если бы настоящий клад, тогда другое дело!

Лёша оглянулся:

— Что, устала?

— Я к маме пойду.

Она воткнула заступ в землю. Но тут на Тэню посмотрел Алексей Кузьмич:

— Как дела, Тэня?

— Ничего!

Ей стало неловко. Она сказала, что приехала помогать, а сама не помогает. Тэня взяла заступ и снова стала ковы-

рять землю. Она выкопала чуть-чуть, у самой поверхности. Конечно, она не может, как Лёша. Всё-таки он мужчина, и старше, и сильней, и заступ ему по руке.

Натёртые руки болели. Спину ломило. Но Таня всё-таки копала, потому что раз обещала, надо сделать.

Вдруг — чу! — что-то звякнуло под заступом. Таня бросила его, нагнулась и тоже, как Лёша, принялась нетерпеливо разгребать землю руками. Ага, постойте, что-то есть! Что-то лучшее, чем черепок! Что-то железное! Оказывается, на самом деле очень интересно находить в земле всякие старинные вещи. Таня разглядывала находку. Это была плоская железная коробка. Таня обрадовалась. Правда, это не сундук, не ящик, а всё-таки это гораздо больше похоже на клад, чем черепок.

Коробка была вся красная от ржавчины. Таня очистила её от налипшей земли. На крышке стали видны выдавленные буквы:

«ХОНФЁТЫ ДРАЖЁ МОССЕЛЬПРОМ»

Таня поднесла коробку к уху и встряхнула её. Внутри что-то слабо звякнуло. Значит, там что-то есть!

Таня закричала:

— Алексёй Кузьмич, Лёша! Смотрите, я нашла клад! Алексёй Кузьмич, а какого это века?

— Дай-ка!

Алексёй Кузьмич взял двумя пальцами плоскую железную коробку, посмотрел на неё, улыбнулся:

— Это никакого не века, Таня, это двенадцатого века. Кто-нибудь обронил несколько лет назад. Видишь, ржавая какая?

Лёша мельком взглянул на Танин «клад».

— Ай да клад! Ай да Таня! Каждый находит то, что ищет.

— Тánя, угостí! — крикнул Стáсик.

Жéня Мáлов сказáл:

— Нет, ребята, ёто náдо в Исторический музей и подписать: «Нашлá Тánя Зóтова».

Все засмеялись.

— А всё-таки ёто лúчше, чем черепкí! — крикнула Тánя. — Давáй, Лёша, открóем!

— Потóм, — отвéтил Лёша. — Вот кóнчим кургáн, тогда...

Но Тánе не терпéлось поскорéй открýть плóскую корóбку. А вдруг там на сáмом дéле какой-нибудь клад? Тánя стáла открывáть корóбку, но тóлько все пáльцы перемáзала в ржáвчине. Крышка прилеглá óчень плóтно и не подавáлась.

— Лёша, ну открóй! — стáла просíть Тánя. — Потóм опя́ть бóдешь копáть.

— Нéкогда сейчáс.

— Тогдá я к мáме пойдú!

— Не ходí одна! Скóро кóнчу, вмéсте пойдём.

— Нет, пойдú! Я дорóгу знáю.

И Тánя пошлá в санаторий. А Лёша остáлся на кургáне и всё копáл, всё откíдывал, лопáта за лопáтой, красноватую, пахнувшюю грибáми зéмлю.

Глава двенадцатая

МЁРТВЫЙ ЧАС

Тánя спустилась к мóстику, перешлá на тот бéрег и пошлá лúгом. Устáлые нóги слóвно просíли Тánю: «Давáй посидím, давáй посидím!» Но Тánя не останáвливалась. То и дéло она́

встряхивала коробку. Она хотела угадать по звуку, что там внутри. Но угадать никак нельзя было.

Таня подобрала на дороге прутик и попробовала прутиком открыть коробку. Но ничего не вышло: прутик сломался — и всё.

На лугу паслось стадо. В тени под кустом сидел старый пастух. Таня набралась храбрости и подошла к нему:

— Дедушка! У вас нету чем открыть?

Старик из-под мохнатых седых бровей поглядел на ржавую коробку, порылся в карманах широченных штанов и достал большой складной нож.

— Дай-ка! — Он стал поддевать кончиком ножа крышку. — Вся насквозь ржавая. В воде, что ли, лежала?

— Нет, не в воде, дедушка, а в земле. Это я клад нашёл.

— Ась?

— Клад, дедушка, нашёл. Мы с вами поделимся!

— Ладно уж, — улыбнулся старик. — Давай откроем как-нибудь. Тут и руку порезать недолго. Ишь, ржа кругом.

Наконец ему удалось поддеть кончиком ножа крышку; он осторожно нажал, и плоская коробка медленно, с ржавым скрипом открылась.

— Ну, что там, что, дедушка?

— Сейчас разберёмся, — ответил старик, вытирая руки о штаны и складывая нож. — Во, гляди! Вот он весь твой... клад.

Таня нагнулась над коробкой. В коробке лежала маленькая тоненькая книжечка папиросной бумаги. К ней приклеилось несколько крупинок махорки. Немного махорки налипло и на ржавые стенки коробки. Под книжечкой оказался огрызок карандаша и чёрный мундштук с серебряным ободком. Они-то и погромыхивали, когда Таня встряхивала коробкой. Больше ничего в коробке не было.

— Небогато, — сказал старик.

— Да...— сказа́ла Та́ня и се́ла на траву́ ря́дом со стари́ком.— Возьми́ себе́, де́душка...

— Ну, куда́ её, ржавь та́кую...

Де́душка доста́л из карма́на кисе́т, сверну́л о́громную папи́росу и закури́л. А Та́ня ста́ла разгля́дывать кни́жечку. В ней бы́ло немно́го страни́чек. Они́ сли́плись, и нельзя́ бы́ло поня́ть, ско́лько их. На пе́рвой страни́чке бы́ло что́-то напи́сано черни́льным каранда́шом. По́черк был разма́шистый, не́которые слова́ не допи́саны. Ви́дно, тот, кто пи́сал, си́льно торо́пился. От сы́рости каранда́ш ко́е-где расплы́лся в лило́вые пятна́. Все́-таки Та́не уда́лось разо́брать. Там бы́ло напи́сано: «16», пото́м «окт», а ря́дом «41».

Та́ня ста́ла ду́мать: «16» — это́ число́, это́ понятно. «Окт» — это́ октя́брь. А «41» — это́, наве́рное, со́рок пе́рвый год.

— Де́душка, — сказа́ла Та́ня, — это́, наве́рное, пи́сали

знаешь когда? В срок первом году, шестнадцатого октября. Тут написано.

— Ась? Вот оно что! — Старик задумался. — Это, знать, солдат обронил. Здесь бой были, ох, сильные бой! Вишь, земля до сей поры изрыта... Это солдатский портсигар. Может, его хозяин до Берлина дошел. А может, и погиб... Кто ж теперь скажет!

— Мой папа тоже на войне погиб, — сказала Таня, — под Москвой...

Старик ничего не ответил. Таня стала медленно, с трудом читать дальше: «Дорогие мой мать, жена, сын и дочка...»

Больше на страничке не поместилось. А до следующей странички Таня не могла добраться, потому что боялась разорвать слишком папиросную бумагу.

— «Дорогие мой мать, жена, сын и дочка...» — вслух повторила Таня.

И вдруг ей пришла в голову невероятная мысль. Да нет, не может быть! А почему не может быть? Очень даже может быть! Таня стала шептать:

— Мать — это бабушка. Жена — это мама. Сын — это Лёша. А дочка — это, конечно, я сама, Таня!

И Таня вскрикнула:

— Дедушка, миленький, это знаешь кто? Это, наверное, мой папа писал. Дедушка, миленький, это папа! Я знаю, это папа!

Она вскочила, быстро сложила в коробку и книжечку, и карандаш, и мундштук, всё как было, и, не попрощавшись с пастухом, не оглядываясь, побежала по лесной дороге в санаторий. Она бежала и думала только об одном: она нашла письмо от папы. Вот какой клад она нашла! Папа обещал написать — и вот написал. А она нашла! Через шесть лет! Сейчас она покажет папино письмо маме. Пусть мама скажет, папина это рука или не папина.

Таня бежала изо всех сил. Ноги теперь уже не просили: «Давай посидим». Нет, они быстро несли Таню по дороге. И вот она добежала до решётчатых ворот с вывеской: «Санаторий «Зелёный шум». Там дремал сторож. Таня с размаху толкнула калитку. Она скрипнула. Сторож очнулся и сказал:

— Нельзя! Мёртвый час.

— Дяденька, — сказала запыхавшаяся Таня, — мне очень надо... Зотову... Лидию Мироновну...

— Знаю. Только потом. А сейчас никак!

— Почему, дяденька? Ведь это моя мама!

— Знаю. А хоть бы мама, или бабушка, или тётя, — всё равно нельзя. У нас режим.

— А когда он уйдёт?

— Кто уйдёт?

— Режим.

Сторож с недоумением поглядёл на Таню:

— Режим — это, стало быть, расписание, распорядок. Понятно? Как мёртвый час окончится, пожалуйста, навещайте, гости, наших больных, а сейчас нельзя.

— А когда он кончится?

— Мёртвый час-то? Да часика через два. А ты посиди на лавочке или в лесу погуляй, цветочков для матери нарви. Ей приятно будет.

Таня растерялась:

— Два часа я не могу. Мне надо ей письмо передать.

— Какое такое письмо?

— Вот! Срочное письмо. — Таня показала сторожу плоскую заржавленную коробку. — Это от папы. Он писал шесть лет назад. Здесь, в окопах. А сейчас яшла. Вот. Видите?

Сторож посмотрел на ржавую коробку, на книжечку, покачал головой и сказал:

— Ну ладно, раз такое дело, ступай! Только потише, а то мне выговор через тебя будет! Потому как у нас режим...

Но Тания уже не слышала его. Она бежала по аллее. Песок скрипел под ногами. На большой клумбе покачивались диковинные цветы. Посередке блестел зеркальный шар. В нём всё отражалось.

Аллея привела Танию в тенистый парк. Там были гамаки и низенькие полотняные стулья. На них не сидишь, а почти что лежишь. Но как найти маму, когда все больные одинаково одеты в полосатые костюмы — полоска белая, полоска голубая?

Вдруг Тания услышала знакомый голос:

— Танюша!

Тания оглянулась. Неподалёку под толстой красной сосной на полотняном стуле лежала мама. На коленях у неё была открытая книга. Но мама не читала её, а, видно, лежала и думала. Тания бросилась к ней:

— Мамочка, я тебя ищу... А все одинаковые...

— Какая ты чумазая! — сказала мама. — Стыдно будет тебя здесь знакомым показать. А Лёша где?

— Он там... Копает ещё... всякие черепки...

— Сейчас пойдём умоемся, а то на тебя смотреть страшно. Ну, а ты-то что-нибудь нашла в курганах?

— Нашла, — сказала Тания и протянула маме плоскую ржавую коробку: — Вот!

Мама посмотрела на коробку:

— Зачем это тебе, Танюша? Ведь ты уж большая. Смотри, руки все в ржавчине. Брось её сейчас же!

— Нет, мама, — сказала Тания, — бросить нельзя, потому что там письмо.

— Какое письмо?

— Письмо... — Тания помолчала: — Очень простое письмо, мама... От... папы.

— Что?!

Мама побледнела и крепче взялась за палки низенького полотняного стула.

— Вот, посмотри! — Таня открыла коробку и протянула маме маленькую книжечку: — Только они слиплись. Тут сверху написано «16 октября сорок первого года». А дальше про тебя... и про Лёшу... и про меня...

— Погоди!

Мама откинулась на полотняную спинку, минутку лежала с закрытыми глазами, потом медленно поднялась, села и сказала:

— Давай!

Она взяла книжечку и стала осторожно отделять одну страничку от другой. Один листочек чуть надорвался, и Таня вскрикнула.

Все листочки были исписаны всё той же торопливой рукой. Мама разложила их по порядку на книге, которая лежала у неё на коленях, потом нагнулась и стала медленно и негромко читать:

— «Дорогие мой мать, жена, сын и дочка. Пишу в окопе. Немецкие танки прут один за другим. Похоже, что больше не увидимся. Я смерти не боюсь. Если погибну, то ведь это за вас, за мою семью, за Москву, за Родину. Верю, мой родные, мой хорошие, вернётся к вам счастье. Помните: оно куплено дорогой ценой. Помните это всегда. Берегите его. Книжечка кончается. Ладно, больше мне её не курить. Вот опять ползут, окайнные! Крепко целую вас. Про... Про... щайте!» — закончила мама, и белые руки её с папиросными листочками опустылись на колени.

— Прощайте! — как эхо, повторила Таня.

Она стала на колени возле низенького стула, заглянула маме в глаза:

— Мамочка, это папа писал, правда? Скажи, мама, правда? Мама пересчитала папиросные листочки. Их было восемь. Она сложила их стопкой и разглядела.

— Ну, скажи, мама, это папа, да?

Мама прижала Танину растрёпанную голову к себе, поцеловала её в самую макушку и сказала:

— Доченька... по дочерку трудно сказать... Ведь это писалось в страшную минуту... Всё-таки я думаю, что это он. Будем считать, что это папа.

И мама снова поцеловала Танию. А потом опять взяла папиросные листочки и стала их пересчитывать, будто хотела выучить наизусть.

Она так и не решилась сказать Тэне, что папа был некурящий и никогда не курил ни махорку, ни лёгкий табак и мунштукá у него, конечно, никакого не было...

ВЯТИЧИ

После мёртвого часа Тэня снова пошла на курганы. Теперь она была чистенькая, умытая, причёсанная. В косах были белые шёлковые ленты, которые мама попросила у нянечки в санатории. А подмышкой Тэня несла завернутую в газету плоскую коробку с папиным письмом.

Солнце уже не так пекло. Стало прохладней. Тэня прошла по мостику, увидела старые, заросшие травой окопы и вдруг ясно представила себе, как в этих окопах стоят бойцы. Один из этих бойцов — папа.

Они смотрят вперёд, ждут. И вот оттуда, может быть из-за того бугра, выползают немецкие танки. Они ползут вперёд, на ходу стреляют из больших пушек по окопам; рвутся снаряды, но бойцы не убегают, нет! Они смело стоят на месте. И папа тоже не убегает и тоже ждёт.

И вот, когда танки подходят совсем близко, раздаётся команда: «Огонь!» — и бойцы чуть приподымаются над окопами и изо всех сил швыряют гранаты, связки гранат, на танки, под гусеницы. И вот взрывы — и громадные танки останавливаются, некоторые горят, чёрный дым стелется над речкой, над деревней Шумилово...

А папа достаёт свой солдатский портсигар и торопливо пишет на папиросных листочках: «Дорогие мой...» Он спешит, время не ждёт, вон ползут ещё танки, и снова гранаты, снова взрывы, и огонь, и бой...

И Тэне кажется, что вот наконец-то она ясно-ясно вспомнила своего папу и видит его, как живого.

...Когда она подошла к курганам, там всё уже было кончено. Все — и московские и шумиловские — собрались под старой берёзой. Пришла даже сама председательница колхоза.

Алексей Кузьмич объяснял:

— Вот мы и закончили наши раскопки. Это курганы вятичей. Вятичи и кривичи — наши предки. От них пошёл русский народ.

Алексей Кузьмич подробно рассказывает про вятичей. Все внимательно слушают. Садится солнце, и на западе всё небо красное, словно там пожар. Потом небо погасло, спустились сумерки и окутали синевой и старую берёзу, и разрытые курганы, и толпу, собравшуюся вокруг седой, древней земли. Только речка внизу блестит, и слышно, как там поют-заливаются лягушки.

Таня пробралась сквозь толпу к Лёше и дернула его за рукав:

— Лёша, а знаешь, что в коробке-то?

— В какой коробке? — шопотом спросил Лёша.

— В той, что я откопала...

— Ладно, Танька, потом, не мешай, давай слушать!..

Алексей Кузьмич рассказывал:

— В этих курганах, товарищи, видимо, были похоронены славянские воины. Возможно, что они защищали только что валожённый городок под названием «Москва» от кочевников. Эти храбрые воины — наши предки...

Таня снова дернула Лёшу и сказала ему на ухо:

— В этой коробке оказалось письмо от папы.

Лёша перестал слушать Алексея Кузьмича. Он обернулся к Тане. В сумерках только видно было, как блестят его глаза.

— Ты что, с ума сошла, Танька? — зашипел он.

— Нет, не сошла. И мама сказала, что от папы. Вот оно, здесь...

— Где? Давай скорей!

Лёша выбрался из толпы, отвёл Таню в сторону, взял

коробку, открыл её, достал папирусные листочки, но было уже темно. Ничего нельзя было разобрать.

Алексей Кузьмич кончил свои объяснения и крикнул:

— Зотов! Стасик! Всё. Собирайте бригады. Пора домой.

Все побежали на речку умываться. Потом все во главе с Алексеем Кузьмичом разобрали заступы, вещевые мешки, фляжки и с весёлой отрядной песней зашагали к автобусной остановке.

Песню сочинил Жёня Малов. Он сам и слова придумал и музыку. Он же и запевал:

Э́то на́ши луга́, э́то на́ши поля́,
Э́то на́ша родна́я земля́,
На́ши ре́ки и го́ры,
И морские просто́ры,
И на́ небе звёзды,
И звёзды Кре́мля.

В автобусе Лёша снова попробовал прочитать листочки, но и там был слишком слабый свет.

И только когда наконец добрались до дому, Лёша снял с плеча вещевой мешок, вынул ржавую коробку, достал папирусные листочки, разложил их на своей половине стола, зажёл настольную лампу и стал их читать.

Бабушка сказала:

— Это что за чтение? Спать надо!

Таня сказала:

— Бабушка, это я там нашёл, на кургане, где воины, где вятичи. Это, знаешь, бабушка, письмо от нашего папы.

Руки бабушки задрожали, она засуетилась:

— Что ты, Танюша, что ты? Батюшки, кто ж тебе сказал? Болтает сама не знает что!

— Нет, и ма́ма сказа́ла!

Бабушка вы́нула из потёртого футля́ра очки, надела их, по́том сняла, подошла́ к Лёше:

— Алексе́й, ну, прочита́й... Что она́, Та́нька, болта́ет...

Лёша стал ме́дленно чита́ть:

— «Дороги́е мой ма́ть, же́на, сын и до́чка...»

По лицу́ ба́бушки поползла́ слеза́. Ба́бушка не вытира́ла её, и слеза́ всё кати́лась от морщи́нки к морщи́нке.

— «...Похо́же, что бо́льше не уви́димся. Я сме́рти не бою́сь. Е́сли поги́бну, то ве́дь э́то за вас, за мою́ семью́, за Москвú, за Ро́дину...»

За откры́тым окно́м звене́ли трамва́и, гуде́ли маши́ны, раздава́лись весёлые голоса́ неугомо́нных ребя́т. А Лёша чита́л:

— «Ве́рю, мои родны́е, мой хоро́шие, верне́тся к вам сча́стью. По́мните: оно́ кúплено доро́гой ценóй. По́мните э́то всегда́. Берегите́ его́».—Го́лос у Лёши задрожал. Он ни́же опу́стил го́лову, помолча́л, по́том продолжа́л:— «Уни́жечка конча́ется. Ла́дно, бо́льше мне её не кури́ть. Вот о́пять ползу́т, окайны́е! Кре́пко целю́ вас. Про... Проща́йте!»—с трудо́м за́кончил Лёша и положи́л на стол послéдний листóчек.

Все молча́ли. В ко́мнате бы́ло ти́хо.

И то́лько за окно́м всё сто́ял неумол́чный, ровный, бо́д-рый гул—вечный гул Москвú...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i>	
Длинное слово	3
<i>Глава вторая</i>	
Про папу	8
<i>Глава третья</i>	
Семейный совет	15
<i>Глава четвертая</i>	
Дорогая мама!	19
<i>Глава пятая</i>	
Утром	25
<i>Глава шестая</i>	
Сейчас с вами будут говорить	32
<i>Глава седьмая</i>	
Поездка с пересадками	36
<i>Глава восьмая</i>	
Искать, так вместе	42
<i>Глава девятая</i>	
Золушка	49
<i>Глава десятая</i>	
Малый тривал	55
<i>Глава одиннадцатая</i>	
А это какого века?	60
<i>Глава двенадцатая</i>	
Мёртвый час	67
<i>Глава тринадцатая</i>	
Вятичи	75

Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР просит учителей нерусских школ сообщить свои отзывы о данной книге по адресу: Москва, Малый Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

9

Для начальной школы

Ответственный редактор Г. Каримова. Художественный редактор Б. Дехтерев.
Технический редактор В. Артамонов. Корректоры Е. Трушковская и А. Ераныч.
«Сдано в набор 19/1 1949 г. Подписано к печати с матриц 19/III 1949 г. 5 печ. л. (3,57 уч.-изд. л.). 28 000 экз.
в печ. л. Тираж 60 000 экз. А03186. Заказ 2068.

Отпечатано с матриц на Фабрике детской книги Детгиза. Москва, Сушенский вал, 49.

1969

42964

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Цена 1 руб.

К